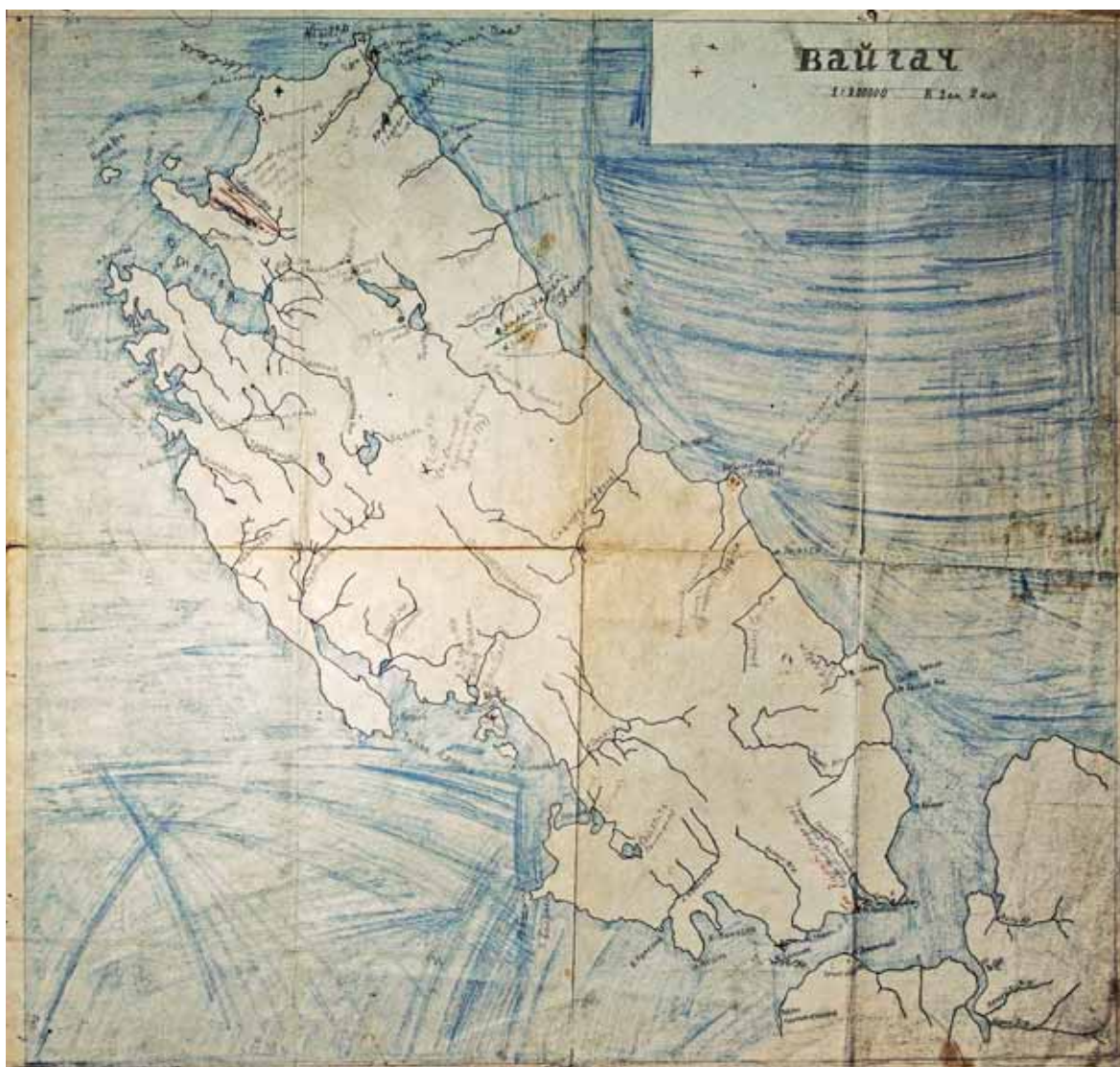

**При реализации проекта используются средства поддержки,
выделенные АНО «Экспертный Центр ПОРА»**

КАРТА ОСТРОВА ВАЙГАЧ, НАРИСОВАННАЯ ПО ПАМЯТИ
НЕНЕЦКИМ ОХОТНИКОМ НЯМБО ВЫЛКО
ПО ПРОСЬБЕ М.С. СИНИЦЫНА В КОНЦЕ 1940-Х

ВАЙГАЧ **ХЕБИДЯ-Я**

НАЛЕВО ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ

Архивные фотоматериалы 1930–1940-х гг.
Этнографическое собрание М.С. Сеницына

СОСТАВИТЕЛЬ ОЛАРД ДИКСОН

МОСКВА
2021

В14
УДК 91
ББК 63.5

**Составление, редакция, архивное дело: Олард Диксон
Расшифровка рукописей, набор: Шончалай Ховенмей**

Остров Вайгач, или Хебидя-Я, на протяжении тысячелетий считался ненцами священной территорией, где живут хэхэ — небесные защитники. Ежегодно на мыс Болванский Нос, где некогда стояли деревянные изображения родовых духов, приезжали для совершения жертвоприношений со всей Большеземельской тундры. Именно там в условиях изоляции вплоть до середины XX века сохранялись традиционные обычаи, вера в небесное покровительство бога Нума и древнее искусство устной передачи легенд и преданий о шаманах и героях прошлого. Вошедшие в фотоальбом материалы 1930–1940 годов, собранные полярником М.С. Синецким, рассказывают о последнем сказителе острова — Нелёко Вылко, наследие которого — собрание эпических текстов «Духи тундры» — было опубликовано лишь спустя 70 лет после записи. На фото — исчезающий уклад жизни традиционных оленеводов и охотников, ненецкие стойбища и русские становища, а также быт работников первой полярной станции. Впервые приводятся легенды и рассказы о шаманах и духах, собранные на Вайгаче, а также два неизвестных ненецких сказания.

ISBN 978-952-69467-1-9 (hardback)
ISBN 978-952-69467-2-6 (PDF)
ISBN 978-952-69467-3-3 (EPUB)

© Синецин М.С. Фотографии, текст. Москва. 2021
© Диксон Олард. Вступительная статья,
составление, редакция. Москва. 2021
© Габасова Марина. Дизайн. Москва. 2021
© Treemedia Content Oy. Hartola, Finland. 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЛЮДИ И ДУХИ ЗАПРЕТНЫХ ЗЕМЕЛЬ

8

ХОЗЯЕВА СВЯЩЕННЫХ ОСТРОВОВ

29

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИНОЗЕМЦАМ

40

ШАМАНЫ С МЕДНЫМИ БУБНАМИ

52

СКАЗИТЕЛЬ НЁЛЁКО И ЕГО СЕМЬЯ

59

СОБИРАТЕЛЬ МАКСИМ СИНИЦЫН

НАЛЕВО ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ

70

СКАЗИТЕЛЬ НЁЛЁКО ВЫЛКО И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

80

СОТРУДНИКИ ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ «ВАЙГАЧ»

84

НЕНЕЦКИЕ СТОЙБИЩА И СТАНОВИЩА

99

НА ОЛЕНЯХ И СОБАКАХ

114

ЛЕБЕДИ ПРИЛЕТЕЛИ

128

ТРИ МЕДВЕДЯ-ЛЮДОЕДА

144

ЗИМНЯЯ ОХОТА НА НЕРПУ

156

ПРОМЫСЕЛ МОРСКОГО ЗВЕРЯ

169

ЖИР — СВЕТО, ТЕПЛО И ПИЩА

180

ГУБА ДОЛГАЯ

195

ДЕТИ ТУНДРЫ И ВЕТРА

210

ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ «ВАЙГАЧ»

НЕНЕЦКИЕ СКАЗАНИЯ О ШАМАНАХ И ВОЛШЕБНОЙ СИЛЕ

224

ШАМАН ТАБИ И НЮДИ, УВИДЕВШИЙ САЛЕХАРД

234

НЮДИ И СЛОМАННАЯ СТРЕЛА

239

О СОСТАВИТЕЛЕ

ЛЮДИ И ДУХИ ЗАПРЕТНЫХ ЗЕМЕЛЬ

ПО РАССКАЗАМ МЕСТНЫХ ЖИТЕЛЕЙ И ОЧЕВИДЦЕВ

В статье использованы фото из собрания М.С. Сеницына:
стеклянные фотопластинки из архива о. Белый, 1930-е;
С.М. Чехов, Ямал—Салехард, 1950; М.С. Сеницын, о. Вайгач, 1949

ХОЗЯЕВА СВЯЩЕННЫХ ОСТРОВОВ

Наш корабль бросил якорь у одного из небольших островов в семи лигах севернее туманного материка. Скалистая земля сплошь была покрыта туманом. Он перемещался и кипел, поэтому нам с трудом удалось разглядеть то, что ожидало нас впереди. Около пятисот ужасных изваяний из дерева и камня, представляющие собой человеческие изображения, вымазанные кровью, имеющие устрашающий вид, встретили нас на плато.

По сообщениям, которые доходили до нас ранее, на этих островах жило дикое племя самоедов. Рассказывали, что есть у них тут пещера, существующая для общения с их мрачными богами, куда они и сбрасывают тела заблудших на остров путешественников.

Они страшно не любят чужих, очень враждебны и опасны, так как хорошо стреляют из луков и способны поразить цель с большого расстояния. Кроме того, перемещаются совершенно бесшумно и могут появиться незаметно в любой точке своего главного острова, в чем мы не преминули убедиться почти сразу.

Самоеды, одетые в странные платья, сшитые, видимо, из шкур, появились из тумана. Сколько их было, сказать никто не мог: туман скрывал от нас все пространство на расстояние одной лиги.

Но по тому, как они стояли, держа перед собой огромные луки и выставив вперед длинные копья, мы поняли: вперед нам пути нет. Молчаливые призраки самоедских воинов растворились в тумане так же быстро, как и появились, только наши шлюпки отошли от их берега. Эти таинственные воины были так же неподвижны и нереальны, как и недавно увиденные нами идолы.

Так описывает свою встречу с племенем самоедов — островных ненцев, охраняющих святыни Хебидя-Я, сэр Уильям Рэндольф в судовом журнале в 1557 году¹. Под Хебидя-Я — Священной землей, иначе Хэхэ-нго — Чистым островом, ненцами понимались запретные территории вокруг Я-мала — Кюнда земли, где находились деревянные изваяния божеств и духов — *сядэев*, обладающих качествами *хэси* — неземной силы и *хэхэ* — «грозовой», или «небесной», святости. Для западных ненцев хэхэ был Вайгач, для восточных, зауральских, — остров Белый, который еще называли Сэр-нго — Белый, покрытый льдом остров. Согласно легендам, когда-то на Ямале жил один ненец, которого унесло ураганом во время грозы на небо, где он взял в жены дочь верховного божества. Спустившись на землю, Сэр Ирику — Белый Старец, как его называют в легендах, остановился на острове Сэр-нго, а своей жене — Белой важенке Ямал Хада — велел «сесть» на мысе Хэхэм-сале и взять под свое покровительство всех людей, живущих на Краю земли. Там впоследствии возникло святилище Сив' Мя — Семь чумов, существующее до сих пор, в отличие от Вайгача и Белого, изваяния которых были сожжены или сброшены в море во время обращения ненцев в христианство в 20-е годы XIX века.

Существует много версий о названии острова Вайгач. Голландские и английские мореплаватели считали, что оно происходит от слова «*waaygost*» — «сильные ветра» или «*waaiengat*» — «врата ветров»; немецкие — «*weißen*», «просвет» в водоразделе между Баренцевым и Карским морями. Сами ненцы (самоеды) говорили, что одно из названий острова — Вай Хабць, что переводится как «страшная гибель» — предупреждение для всех, кто осмелится ступить на эту землю. На языке коми, распространенном среди ненцев, слово «вайгач» означает «отдай штаны». Долгое время Вайгач, как и Белый, рассматривались как особые территории без постоянного населения, на которых действительно часто бушевали ветра как исполнители воли северных и южных богов.

¹ Записки судового журнала, сделанные сэром Уильямом Рэндольфом 1 августа 1557 года. Цитируется по: И. Ханзерова. Вайгач: от Хэсея до ГУЛАГа / Нарьяна вындер. 31 октября 2003 (142).

Нгэрм Хора на небе есть, живет в чуме Северный человек. Жена у него одна. Южный человек — Юба Хора — тоже есть на небе. Они воюют между собой, и тогда гром бывает. Если Северный победит Южного — холодно, наоборот — тепло. Ветер они оба держат: южный — юба мерче, северный — нгэрм мерче. Белое сияние — холодно будет, это его оружие; красное сияние — тепло будет — теплого оружие. Они самые главные. В чумах живут. Сами есть без оленей, на облаках, наверное, ездят — чумы на облаках стоят. Оба — ненцы, но Южный кожей темнее, а Северный — блее. Говорят по-нашему, словами. С людьми не встречаются. Когда беда — наказывает Южный, он все время занимается землей. Северный — нет, он только для холода, люди чтоб не сгорели жаром. Жара — тоже ведь плохо, потому и зима. Северный — злой, Южный — добрый, людей спасает все-таки. Южный помогает, воду открывает для промысла, а если Северный рассердится — ничего не будет, все примерзнет к морю².

Грозовым божествам отводится важное место в ненецком пантеоне: «Их бы не было, и жизни бы на земле не было». Поэтому Вайгач местные жители часто называют именно Хэхэ-нго, где слово «хэхэ» означает также и гром. Увидев на земле *нгэлекэ* (*нгылёко*) — злых духов, — грозовые божества метают стрелы — *хэхэ-мунгг*, которые несут в себе яд для вредоносных существ.

Небесная, или грозовая, стрела *хэхэ-мунгг* — это кристалл кварца, обычно с двумя вершинами и включением внутри битума, того самого яда для *нгылекэ*, который, по воззрениям ненцев, образуется при соприкосновении стрелы с землей. Такие стрелы носят во время болезни и даже подвязывают в мешочках на шею собакам во время мора, предварительно разбив кристаллы на кусочки.

² Полевые записи М.С. Синецкого. Рассказ сказителя Нёлёко Вылко. Тетрадь «Вайгачская №1», с. 30а–31б. 1949.

НЕНЕЦКОЕ СТОЙБИЩЕ. БЕЛЫЙ, 1930-Е

ЛЕГКИЕ ЖЕНСКИЕ НАРТЫ
ВПЕРЕДИ АРГИША — ОЛЕНЬЕГО КАРАВАНА.
ПЕРЕГОН ЯМАЛ—САЛЕХАРД, 1950

Нгэлэкэ — нечистый дух, он людей ест. Когда Грома не станет — конец мира станет. Землю очищает Гром. Он на нгылекэ охотится, их бьет. А они болезни носят, смерть. Стреляет стрелами: белые, граненые и заостренные и для тетивы на конце есть выемка. Зашить, как крест носить. Большие стрелы воткнуты в землю, торчат из нее. В тундре почти нет. Здесь земля твердая, каменная. Мало здесь земли, все больше камень. Она и воткнется, лишь наполовину в землю уйдет. Торчит. Ее и видят, находят. А там земля мягкая — тундра, болото. Вот она, падая с высоты с огромной силой, и уходит в землю. Глубоко уходит. Сильно ее пробивает³.

Иной раз Гром может взять на небо земную женщину себе в жены. Этим объясняется исчезновение со стойбища какой-либо молодой девушки. Случаи вознесения во время грозы и урагана, как с ненцем, ставшим потом хозяином острова Белый, довольно часто фигурируют в фольклоре:

Это давно было очень. Девочка одна пошла погулять весной-осенью. Пропала. Потерялась. Искали. Шаманы нашли, сказали — барабанили (в бубен били): «Она живет на небе. Не придет сюда, не хочет. У нее уж там два сына есть». Ее муж, гром который делает, — Хэнгу Иси Де. Он хозяин. Она там, где гром, молнии, хэхэ-нгу живет. У них там дорога. Когда он едет, тогда гремит. Огоньки летят, когда телега гремит. Мать, отец просили ее вернуться. Она отказалась. Так сказала: «Трудно жить у вас — разные болезни, у нас — нет. Век у вас малого расстояния (небольшой). Здесь — не умрешь никогда, даже не стареешься. Как жил, так жить будешь⁴.

³ Полевые записи М.С. Синецына. Рассказ сказителя Нелёко Вылко и других. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 466–48а. 1949.

⁴ Полевые записи М.С. Синецына. Передано от отца охотника Михаила Выучейского. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 64а–65а. 1949.

ГРУЗОВЫЕ ТРЕХКОПЫЛЬНЫЕ НАРТЫ. ЯМАЛ, 1950

ОЛЕНЬЯ УПРЯЖКА. ЯМАЛ, 1950

В ОЛЕНЬЕМ СТАДЕ.
ЯМАЛ, 1950

МОЛОДЫЕ НЕНКИ
С ДЕТЬМИ. БЕЛЫЙ, 1930-Е

УСТАНОВКА ЧУМА. ЯМАЛ, 1950
ХОЗЯЕВА СТОЙБИЦА. ЯМАЛ, 1950

ОХОТНИК. БЕЛЫЙ, 1930-Е ▲

МОРЗВЕРБОИ. БЕЛЫЙ, 1930-Е

Непроявленные божества ненцев, чью волю выполняют держатели ветров и грома, — это братья Нум и Нга Вэсако, то есть «древние», «старые», возникшие до появления Я — Матери земли, мыслящейся как живое существо, накрытое сверху куполом неба. Вследствие возникшей между ними войны Нум остается на небе, Нга уходит под землю, а в мире появляется три рода света — *нябе яле* — тот свет, *таси яле* — нижний свет и *ненэй яле* — настоящий свет, он же *сэраку яле* — белый свет.

Также важнейшее значение имеет Морской хозяин, или Водяной Нум, — Ид' ерв, который является держателем промысловых животных.

Ид' ерв Вэсако — Морской Старик, хозяин морских зверей, всего, что есть в море. Он в воде живет. Сыновья, может, есть. Человек, человеком и есть, как и Нум. Нум на небе живет, он — в воде. Он — Водяной Нум. Ид' ерв Нума слушается, ведь он главный и от воды, и от земли. Он главнее всех. Что Нум скажет, все и делают. В земле тоже есть начальник — Хасьда Нга. Землей внутри управляет. Он же — Я' ерв. У Я' ерва нет зверей, у Ид' ерва — есть, в море. Все его звери, они его слушаются. Вместо оленей он их держит, наверное. Медведей он тоже держит. На четырех медведях, на санях приезжает. Сани у него, может, из моржовой кости сделаны. Букашки, жучки, червячки водяные — это вошки его. Его не просят, просят Нума, а Нум ему велит⁵.

Медведи — ездовые животные не только Ид' ерва, но и духа смерти Ханче Вэсако, обитающего под землей и держащего двести бурых медведей. Его посылает за людьми Нга Вэсако, имеющий двести ездовых я-хора — мамонтов.

О мамонтах говорится следующее.

⁵ Полевые записи М.С. Синецына. Рассказ сказителя Нёлёко Вьлко. Тетрадь «Вайгачская № 1», с. 65а–66а; тетрадь «Вайгачская № 4», с. 38б–39а. 1949.

ЛОВ РЫБЫ НЕВОДОМ. ЯМАЛ, 1950

Я-хора раньше на виду был. Ходил по земле. Так ходил, не били, не могли убить. Потом провалился в землю. Как людей много стало, так и скрылся под землю. От них убежал большой бык. Только бесы — парнэ — держали их под землей вместо оленей. Это когда они провалились. На земле никто их не держал (как ездовых): не ели, не ловили. Боялись. Вместо бога держали. Когда умер, жертву приносили. Один шаман нашел и велел⁶.

Жертвоприношения божествам и духам совершаются в самых различных случаях: во время болезни, непогоды, неудачи на охоте, при невольном нарушении запретов, если оленья стадо пропало, «чтоб вода на реке остановилась», не была такой бурной во время переправы и т. д. В быту бывает достаточно сшить для домашнего сядея новую паньцу, надев ее на изображение поверх той, что уже есть (до 7—12 одежд), и предложить лучший кусок пищи.

Весной окуривают вещи, собак и скот дымом морского ладана, ходят на могилы родственников, где кладут у хальмеры, прямоугольного ящика с покойником, табак и водку. Раз в год ездят на острова к духам — покровителям рода и жертвуют оленей методом удушения *тынзеем* — арканом, концы которого тянут в разные стороны, после чего *абурдают* (*аурдают*) — едят сырое мясо и пьют кровь вместе с духами.

Вот как описывает жертвоприношение во время пересечения на оленьих упряжках Ямала в 1944 году полярник и этнограф М.С. Синецын, участник описываемых событий:

Испуганного оленя подвели ближе к палатке. На шею ему накинули петлю из тынзея. Один конец аркана был у Арумо, а другой у Нубити. Они встали рядом с животным по обе стороны от его головы. Затем каждый из них резко изо всех сил

⁶ Полевые записи М.С. Синецына. Рассказ сказителя Нёлёко Вьлко. Тетрадь «Вайгачская №1», с. 316—32а. 1949.

потянул за свой конец тынзея. Медленно задушенный олень, вытянув шею и подгибая под себя задние ноги, грузно осел на землю. Тогда Арумо достал охотничий нож. Быстро и ловко он сделал на шкуре надрез от передней к задней ноге и продолжил его до конца туловища. Отложив нож, Арумо начал отдирать шкуру, и в этом он был удивительно проворен... Через несколько минут возле палатки шерстью к земле лежала шкура оленя. Голая, словно раздетая, туша животного, как на подстилке, покоилась поверх мездры.

Ненцы уселись вокруг этого своеобразного стола. Арумо снова достал нож и с боку осторожно вскрыл брюшную и грудную полость животного. Второй надрез у спины — и вместе с ребрами снята вся боковая часть туши. Порывшись во внутренностях, он у самого основания отрезал и завязал конец толстой кишки. То же было сделано с началом пищевода. После этого Арумо вывалил на землю все внутренности, ничего при этом не запачкав. На шкуре осталась только вскрытая туша, из которой не вытекло ни капли крови.

Когда Арумо оттащил в сторону внутренности, все проводники достали ножи и аппетитно поглядывали на распростертого перед ними оленя. Встав перед тушей на колени, Арумо с сосредоточенным выражением лица засунул руку куда-то под горло. Сильный рывок — и вместе с дыхательным горлом от тела отделены и сердце, и легкие.

Не успел Арумо высвободить руку, как из разрыва сердечно-сосудистой системы хлынула кровь. Она быстро заполнила внутреннюю полость животного; в ней, как в супе, плавали легкие и сердце.

Тут же, сидя вокруг оленя, проводники принялись есть сырое теплое мясо, обмакивая его в кровь. Как лакомство, они съели сердце, почки, часть печени и понемногу отрезали кусочки от туши...

Во время первого аурдания проводники сняли тонкую шкурку со лба оленя и срезами с головы все, что было на ней съедобного. Были отрезаны даже кончики молодых, еще не окрепших рогов, покрытых нежной волосатой кожей. Утром, когда оставалось только тронуть аргиши, Арумо подошел к черепу оленя. Он вложил глаза

НЕНЦЫ ОБУРДАЮТ — ЕДЯТ СЫРОЕ МЯСО НА ПРИВАЛЕ. ЯМАЛ, 1950

КАЖДОМУ ДОСТАЕТСЯ СВОЙ КУСОК. ЯМАЛ, 1950

на прежние места, взял голову и решительно поставил ее в содержимое желудка. Поставил так, чтобы морда была повернута по направлению нашего пути⁷.

Помимо оленей тем же способом жертвуют собаку, если начался мор, — «так хэхэ просят». Потом тушу сбрасывают в море, отдавая дань Ид' ерву.

Также до начала XX века существовали человеческие жертвоприношения, о чем есть много свидетельств в ненецких *ярапу* — плачах и *лаханаку* — рассказах по реальным событиям⁸. Об одном из последних случаев такого рода сообщает М.С. Сеницын в 1949 году вайгачский сказитель Нелёко Вылко, рассказывая о Хороля, брате отца жены его друга Нямбо Вылко.

Хороля хотел в жертву принести русского ребенка. Его сядэй попросил. Сядёю его нужно-то было. Где-то недалеко, на Большой земле, в районе Хабарово—Варандей. Он и украл, утащил русского ребенка из деревни, из дому. Помчал в тундру. Поймали его, отобрали. Но он долго после того не прожил. Все равно помер. Точно: раз сядэй его просил, и он не смог достать, то какая же может быть ему жизнь? Потонул он вскоре с женой в море во время рыбной ловли. Лодка перевернулась. Не смог достать, вот и потонул. Погиб. Так отомстил, отплатил ему сядэй⁹.

⁷ Сеницын М. По ненецкой земле. Путевые очерки. — М., 1960, с. 64—67.

⁸ Духи тундры.

Эпические, родовые и шаманские сказания Нелёко Вылко
из собрания М.С. Сеницына, записанные на острове Вайгач в 1948—1949 гг.
Под редакцией Оларда Диксона. — М., 2017.

⁹ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ сказителя Нелёко Вылко.
Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 36—46. 1949.

Далее Нёлёко говорит о том, что «не один он так делал» и ссылается на «Дитлера», под которым в те годы ненцы подразумевали не только самого Адольфа Гитлера, но и всех немцев вообще: «Он — вроде их царь. Всегда был у них — и сейчас, и в ту войну». В жертвоприношении он видит причину его начальных побед, а последующее поражение связывает с обращением русских к богу: «Дитлер тоже детей в жертву приносил. Потому и побеждал сначала. Потом русские спохватились, бога поминать стали и победили. Вот в бога-то как верить надо»¹⁰.

¹⁰ Полевые записи М.С. Синецына. Рассказ сказителя Нёлёко Вылко. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 36—46. 1949.

СОПРОТИВЛЕНИЕ ИНОЗЕМЦАМ

На Вайгач и Белый, которые в ненецких легендах могут иметь одно название — Сэр-нго, раньше не смела ступить женщина. Достигшая возраста половой зрелости, она считалась существом нечистым и во время молебнов оставалась на Большой земле. Более того, здесь не разрешался выпас оленей, поэтому долгое время острова оставались неприкосновенными. Все здесь принадлежало духам. Заселение Вайгача как раз и началось с оленей, с обильной для них кормовой базы. Пробыв какое-то время на Вайгаче с паломниками, они отъедались, и, в чем уверены тундровые оленеводы, даже цвет шкуры менялся на более светлый.

Вам Вайгач — нам Сэр-нго. Женская нога не топтала. Пришел на Сэр-нго человек с оленями. Чум поставил. Пасет. Пришла женщина в паньце¹¹. Такая большая, выше чума. Говорит: «Дедушка не велел здесь жить. Велит уходить». И он ушел. Три года прожил. Олени шерсть не меняли и рога все одни носили¹².

В конце XVIII — начале XIX века, «при царе Миколае (Николае I)», обильные пастбища Вайгача притянули зауральское племя яптиков, относящееся к восточным ненецким

¹¹ Вероятно, Ямал Хада, небесная жена Сэр Ирику — Белого Старца (Вэсако — Дедушки).
Паньца (паница) — вид верхней меховой одежды.

¹² Полевые записи М.С. Синецына. Рассказ охотника Павла Лагейского.
Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 55а–56а. 1949.

родам. Несколькими отрядами, хорошо вооруженные луками, они пересекли Большеземельскую тундру и по льду перешли на Вайгач через Югорский Шар. Сведения об этом незаурядном событии сохранились в рассказах, а память о нем увековечена в названии большой сопки Яптик-Пэ — камень Яптиков — на северо-восточном берегу острова Вайгач и реки Смерти — Хальмер-Яга — на западном берегу, к югу от губы Долгой, близ горы Покойников.

Яптики своей саю (командой) к нам на Вайгач сюда приходили. С людом, семьями, чумами. Слышали, верно, что люди живут на берегу моря, промышляют. Разделились на юге острова на два отряда. Один пошел на север вдоль восточного берега, другой — вдоль западного. Кружить хотели! Вот какие!

У нас здесь был один шаман. Очень умный, очень сильный шаман. Он чувствовал, он знал это. Предупредил людей, что на нас идут. Люди всполошились, собрались вместе на восточном берегу. Спрашивают: «Что делать?» Он: «Ничего, только дайте мне ружье лучшее и соберите мне все, какие есть, патроны». Собрали, дали. Он: «Вы тут сидите. Ничего не делайте. Все равно бесполезно. Ничем их так не остановить. Я спрячусь за камнями, сам их остановлю».

Яптики пришли. Восточный берег, ближе к северу, в северной половине, в самом начале. Он спрятался за камнями. Из-за камней всех их перестрелял. Всех до одного. И женщин, и детей — всех. Они ничего не понимали. Только испугались, удивились. У них луки и стрелы были только. У него — ружье. Это он их из ружья положил всех. Так его даже и не ранили. Хотя, кажется, и стреляли по камням, где он засел, из луков. Они, возможно, и слышали о таком оружии, но его у них не было. Вероятно, даже и не видали, только слышали. А у вайгачских уже было, не только слышали, но и имели. Потому что — луци¹³ <дали>. С тех пор та большая сопка, что лежит в тех

¹³ Луци — так ненцы называли русских.

НА ПУТИ В ФАКТОРИЮ. БЕЛЫЙ, 1930-Е

ФАКТОРИЯ. БЕЛЫЙ, 1930-Е

местах, и стала называться Яптик-Пэ. Она большая, высокая, ее издалека видать. Кто не знает Яптик-Пэ?! Ее каждый ребенок знает!

Как перебил всех шаман на восточном берегу, велел скорее вести себя на западный. «Там, — говорит, — тоже есть».

А люди ничего не знали. Его отвезли, он и перебил. Яптикам, наверно, казалось, что это сами — те двое, кто сторожат вход в Нижний мир и пускают небесные стрелы, — мечут в них свои хэхэ-мунг¹⁴.

Контакт с луци — русскими — в факториях, где и были обменяны на меха ружья, очень скоро после этого события коренным образом отразился на всем укладе вайгачских и ямальских ненцев и привел к низвержению их богов. В 1826—1828 годах миссионеры объездили все доступные им святилища и разрушили их. Деревянные изображения покровителей ненецких родов, стоящие в средней части Вайгача на Священной горе и на мысе Конец Земли — Ямал-сале, были сожжены; на южной оконечности острова сброшены в пролив Югорский Шар. Вместо них появились кресты, однако ненцы продолжали ходить на святилища. Миссионерам казалось, что они молятся Христу, склоняясь у креста, но на самом деле — уцелевшим и закопанным в землю сядэям. Появлялись и новые святилища, и этому предшествовала та или иная мистическая история, например, о перемещении по воздуху идола Хадаку — бабушки, у которой просили помощи в рыбном промысле и женских делах:

Хадаку раньше была не на Вайгаче, а на материке. Ее там разрушил один поп. Много там сядэев раньше стояло ведь, на берегу реки. Люди стояли, смотрели, как на костре жгли сядэев. Вдруг увидели люди: из костра такой круглый комок пламени

¹⁴ Полевые записи М.С. Синецина. Рассказ сказителя Нелёко Вылко. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 7б—12а. 1949.

вылетел и в сторону полетел. Ну, удивились, подумали: вот как трещит — разлетаются щепки! Думали, в сторону отлетела головешка какая, на землю брякнулась и потухла, как бывает в кострах больших. А нет, это сама Старушка-то и была! Она и полетела из костра, да над рекой, да через пролив, и на Вайгаче опустилась. Но этого не знали люди. После нашли недалеко от теперешнего Хэхэн-то и Хэхэм-пэ старый шаманский бубен. Что такое? Не знал никто. Спросили шамана. Он и объяснил: здесь Старушка недалеко живет. С тех пор и стали месту сему поклоняться. А попу тому все равно это так не прошло. В Архангельск вернулся и заболел. Такая его болезнь взяла: кости мягкие стали, не держат его. Ум потерял. Взбесился. Помер потом за Старушку-то¹⁵.

Вскоре на вайгачском мысе Конец Земли была поставлена часовня Святого Николая, а на материковом берегу Югорского Шара, в селении Хабарово, — деревянная церковь. Поскольку ненцы под началом шаманов оказывали на местах активное сопротивление, ружья у них были изъяты, и охотникам вновь пришлось изготавливать луки. Но времена были уже не те, чтобы прокормить этим свои семьи. На фоне общего недовольства в ненецких стойбищах начинается голод. В 1820—1840 годы в Тазовской тундре и на Ямале возникает движение ненецкой и хантыйской бедноты под руководством ненца Ваули Ненянга по прозвищу Пиеттомин. По сути, это была банда, уводившая оленей у «хозяев тундры» и распределявшая их по примкнувшим в саю семьям. Пиеттомин пользовался большой популярностью среди обедневшего местного населения, поскольку воровство оленей, в отличие от грабежа, не считалось большим преступлением, а скорее проявлением молодецкой удали и смелости: «Поймают, отдашь столько голов, сколько ног у оленя: четыре за одного».

¹⁵ Полевые записи М.С. Синицына. Рассказ охотника Василия Лагейского. Тетрадь «Вайгачская № 1», с. 38а—39б. 1949.

«КРАСНАЯ ИЗБА». БЕЛЫЙ, 1930-Е

НЕНЦЫ В ФАКТОРИИ. ЯМАЛ, 1950

*Олень не так дорог, как вещь. Олень снова рождается, а вещь пропала, это уж не родится никогда. Вещь готовая — это уже не шкура, здесь труд приложен. Если стадо большое, три—пять оленей, — не так заметно. Укравший оленя — хлеб насущный добывает; укравший вещь — злостью грабит*¹⁶.

Более пятнадцати лет *саю* Пиеттомина безнаказанно занималась перераспределением благ, надо отметить — ни разу не проливая кровь, пока в 1839 году богатые оленеводы на сходке не подали соответствующую жалобу властям. Ваули Пиеттомин и его ближайший сподвижник Магири Вайтин были схвачены и отправлены в Обдорск (ныне Салехард), где были приговорены к двадцати ударам плетью и ссылке в Сургут. Оттуда им удалось бежать на захваченной лодке, и, преодолев по Оби почти 2000 километров, они вернулись. К тому времени сторонников Пиеттомина было уже около трех тысяч человек. На совете надымских и ямальских ненцев, а также нижнеобских хантов его провозгласили «великим старшиной» и выдвинули властям ряд экономических требований: вдвое уменьшить размер ясака, снизить цены на муку и увеличить закупочные цены на пушнину. В январе 1841 года Пиеттомин во главе 400 упряжек направился в Обдорск, где был хитростью схвачен и направлен в Восточную Сибирь на каторжные работы, где и закончил жизнь.

Походы Ваули и продолжавшего его дело Магири со временем обросли легендами, в которых он выступал как защитник бедных, что не совсем совпадало с действительностью. В этих рассказах он был еще жив, и, когда в 1883 году на ярмарке в Обдорске распространились вести, что на село движутся аргиши либо самого Пиеттомина, либо кого-то из его товарищей, началась страшная паника. Это оказалось просто слухами, но пример Пиеттомина впоследствии повлиял на другие крупнейшие бунты ненцев и хантов в начале

¹⁶ Полевые записи М.С. Синецины. Сообщение охотника Семена Тайбаря. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 6а—7а. 1949.

1930-х годов, уже против советской власти, известные как восстание «Мандала» — «Единство» — и Казымское восстание.

После подавления восстания Пиеттомина христианизация и русификация ненцев стала приносить большие, но неоднозначные результаты. Распространилось двоеверие. Громовые духи, что пускают в злых духов свои кварцевые стрелы *хэхэ мунгг*, отождествились с Ильей-пророком, очищение морским ладаном стали делать исключительно на Егорьев день. К служителям церкви относились, как к *тадибе луца*, то есть «русским шаманам», словом «хэхэ» начали называть и идолов, и иконы, а крестного отца и мать — «хэхэ нися» и «хэхэ небя» соответственно.

В переднем, «чистом», углу чума стояли закопченные иконы, а снаружи, в шайтанской нарте (хэхэ хан), лежали домашние идолы. Это было вполне совместимо, ибо иконы тоже считались идолами, олицетворением духов. И когда «кормили» идолов из шайтанской нарты, возле икон тоже клали кусочки еды. По старому обычаю, маленького домашнего идола, закутанного в несколько нарядных суконных и меховых одежд, торжественно клали на несколько суток «спать» на шкурку первого добытого в этом году песца. Задобренный такими почестями идол помогал в промысле. Теперь тот же обряд сопровождали словами «Господи, благослови!», а песец и идол осенялись крестным знаменем...

Понравилось и прочно вошло в быт крещение детей. Если по каким-либо причинам родители не могли взять новорожденного к священнику — а это случалось часто — они сами совершали обряд, вся суть которого понималась как опускание ребенка в воду. Вместо купели использовали очень похожий на нее формой большой, черный от копоти чугунный котел, в котором обычно варили пищу над костром по середине чума¹⁷.

¹⁷ Синицын М. Ненцы острова Вайгач / Духи тундры. — М., 2017, с. 32–34.

Таким образом, шаманство не исчезает как таковое, да и сами шаманы по-прежнему приглашаются в чумы для лечения и совершения обрядов наравне с православными служителями. На отдаленных территориях, таких как северный Ямал и святилище Сив' Мя — Семь чумов, острова Сэр-нго — Белый, Лэнг-нго — Цинковый, куда не добрались миссионеры, все остается по-прежнему.

Несмотря на то что святыни были низвергнуты, положение запретного острова Хебидя-Я сохранялось для Вайгача вплоть до зимы 1901—1902 года, когда на остров впервые высадились женщины, а для Белого — до 1930-х. Шаманы тогда сказали, что из-за женщин сядэи бросились в море и доплыли до Белого, а вместе с ними ушли песцы, птица и рыба. «Чего захотели, — ответили на это некоторые оленеводы, — чтобы мы без женщин остались?» Это было прямое недоверие к шаманам, что привело в дальнейшем к упадку ненецкого шаманства на фоне утверждения на Крайнем Севере советской власти.

ШАМАНЫ С МЕДНЫМИ БУБНАМИ

Шаман по-ненецки — *тадибе*. Называться шаманами могли многие, но обладали силой лишь те, кто прошел особое испытание, состязаясь с самим Ирый Хасаво — Лунным Человеком, которого «русскому глазу не видно, ненецкому глазу видно».

Шаман может убить луну. Когда будет так — вдруг закроется луна вся, и краешка даже не видно — темно станет. Тогда люди говорят: «Где-то новый шаман выучился. Силы пробует. Убил луну». Это его учитель, старый шаман, проверяет: «Ну, выучился, сильный стал — посмотрим. Убей луну!» Если не совсем закроет луну, не всю убьет, то говорят: «Нет, еще не совсем выучился. Еще надо учиться. Всего еще не знаешь. Всю луну не смог убить»¹⁸.

Луна для *тадибе* — это ближайшая земля по дороге к Нуму. Дальше располагается сфера звезд — *нумгы* и северного сияния — *харп*, а за ними — Нум нё — Двери бога, которые находятся «в полу» небесной тверди.

Если «убийством луны» объясняется лунное затмение, то под открытием небесных дверей, через которые Нум смотрит на землю, подразумевается некое неустановленное явление, отличное от северного сияния: «Это когда мелькает ночью белым выше звезд.

¹⁸ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ сказителя Нелёко Вылко. Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 3а–3б. 1949.

Всегда три раза подряд: открылось — закрылось»¹⁹. Шаманы, имеющие связь с Нумом, считаются самыми сильными. Согласно распространенным поверьям, такие могут видеть и слышать за много дней пути, ездить по воде, как по льду, на оленьей упряжке, а то и взять поперек лук и подняться в небо, как на крыльях.

Сила шамана измерялась качеством его *тэвэры* — связей с божествами и духами-помощниками. Один был связан с Нумом, другой — с Я, земными духами, третий — с Ид' ервом, Хозяином моря. Лечением занимались все, но *тэвэры* обуславливала специфику обрядов, направленных на изменение погоды, удачу на охоте в тундре или морском промысле.

Все проявления мира для шамана имели определенный облик, были персонифицированы. Так же и болезнь рассматривалась, как один из духов *нгылекэ*. Например, синга (цинга) имела вид человека и могла говорить, а значит, с ней можно было вступить в диалог и узнать, что нужно сделать, чтобы она отступила. Подобный разговор мог состояться во время камлания или во сне. Для этого шаман надевал паньцу больного, ложился спать на его шкуры, а утром уже знал, что нужно делать. Сильный шаман мог даже съесть болезнь, высосав ее из тела ртом или через полую костяную трубочку, и остаться невредимым. За успешное лечение бралась плата: чаще всего олени, но могла быть и женщина, которая становилась женой или работницей шамана.

Для совершения обряда *тадибе* имел бубен — *пензер*, сделанный из оленьей кожи, натянутой на обод. С приходом советской власти владение бубном было запрещено, и вместо него использовались медные тазы, оставшиеся еще с царских времен, — «даже еще лучше». Из таких тазов раньше делали ножны, разрезая медь на узкие полоски и облицовывая ими деревянный чехол; теперь они служили шаманам бубнами. «Русские пришли — шаманов не стало. Когда кулаков и шаманов всех прогоняли, арестовывали, бросили в то

¹⁹ Полевые записи М.С. Синицына. Рассказ охотника Семена Тайбаря. Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 296–30а. 1949.

ПОСЛЕДНИЙ ШАМАН. БЕЛЫЙ, 1930-Е

время ненцы пензер и до сих пор не берут, боятся. А какие есть шаманы — прячутся, потихоньку шаманят без пензера»²⁰.

Бубен считался живым существом, тоже хэси, о чем есть рассказ, относящийся к времени гонений на шаманов:

*Девушка одна выкинула пензер. Возле чума недалеко бросила. Один пошел туда, не знал, сел справляться. Услышал какой-то писк. Покопался пальцем в кале — ребенок. Взял, за пазуху положил. Тот заплакал, затем пригрелся. Успокоился и даже сосать стал — у него грыжа пупочная была и пупок выступал*²¹.

Упрощение коснулось и обрядовой одежды шаманов, которую теперь часто заменяла обычная женская паньца с пришитыми к ней искусственными косами — пал — как пережиток древней традиции ритуального перевоплощения.

*Шаманы раньше непременно косы носили. Женщина-шаман — она всегда семь кос носила. Свои волосы в семь кос, как у русских, заплетала, так и ходила. Мужчины тоже с косами шаманили, но у них косы были не настоящие, как у женщин, — длинные, большие, а внутри — сукно. Они у них к одежде были пришиты, как у девочек маленьких, к паньце у воротника*²².

²⁰ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Семена Тайбаря.
Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 646–65а. 1949.

²¹ Полевые записи М.С. Сеницына.
Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 36б. 1949.

²² Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Семена Тайбаря.
Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 13б–14а. 1949.

В 1940-е годы на Вайгаче еще оставался один из настоящих шаманов старой практики, отсидевший за занятие шаманством, — Иван Ледков, которого уважительно звали Вáнюшка Вэсако: «Он очень старьй. Вот, долго живет, потому что богу много хорошего сделал. Через бубен увидел сядэев поваленных, упавших от времени, забытых — снова поставил. Бог его за то любит, тот и живет»²³.

Вáнюшка Ледков далеко видит, очень далеко — за семь дней пути. Вот так: сюда кто ли ямдает, ему осталось ехать еще семь дней, он его уже видит. Так далеко. Если тихо, нет ветра, он все слышит, где бы ни говорили. Духи к нему приходят, как шаманит в женской паньце. И косы ненецкие прицепляет себе. Он сильный, к нему много приходят, даже вот бабушка эта Хадаку приходила несколько раз. Ее звал. И Я' Ерв приходил. Снизу в тюмю есе (шест очага) стучался. И звери всякие приходили: букашки, таракашки, медведи... Все. Полон чум. Кричат, звуки свои издают.

Он камляет всегда в темноте. Даже костер не горит. Ничего не видно. Камляет, бьет в бубен, тогда и приходят. И звуки эти слышны. Потом закончит, сядет. Рассказывает, объясняет, что было, кто приходил, что делали. Людям все объясняет. Вот они и вспоминают: в тюмю есе кто-то стучался, рычал кто-то. А когда в темноте шаманил, то все чувствовали — полон чум каких-то. Они не в дверь входят, а так как-то: бабушка везде пройдет²⁴.

Важным звеном между тадибе и людьми, присутствующими на обряде, выступает *тэлтангу* — помощник и переводчик шамана:

²³ Полевые записи М.С. Сеницына.
Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 24а. 1949.

²⁴ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Семена Тайбаря.
Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 1а–2а. 1949.

Шаман связывается с духами, говорит с ними. Бьет в бубен, а бубен издает звуки, тоже говорит. И вот то, что говорит бубен, то и поет тэлтангу. Он как бы переводит язык бубна, а бубен заставляет говорить рука шамана, управляемая тем духом, с которым он сейчас связывается. Без бубна это уже не шаман. Без бубна шаманить нельзя. Поэтому говорят: «Какой он шаман — у него нет бубна»²⁵.

Особую категорию видящих и слышащих составляют те, кто чувствует приближение событий. Они могут не иметь бубна и не носить косичек — пал, не заниматься лечением, но знают, что случится. Это может быть, например, во снах или с помощью кольца, через которое смотрят на воду.

Николай — был здесь (на Вайгаче) такой ненец. Он войну видел. Так не шаман, ничего не гадал, людей не лечил, а войну видел. Молодой ненец. Все говорил: «Будет скоро очень такое время, что много людей умрет, убито будет, особенно мужчин». Так ведь и вышло. И его убили. В армию взяли — он ведь молодой был, призвали»²⁶.

Еще на Вайгаче рассказывали о шамане Пока Няйто (Няйту), который предсказал много событий, в том числе начало Второй мировой войны:

Няйто называл себя Еся Мя' ерв — Хозяин Железного чума. При жизни над ним смеялись, но после смерти, когда увидели, что многое им предсказанное сбывается, стали уважать и чтить как умного и сильного шамана. Он очень был в жизни

²⁵ Полевые записи М.С. Синецкина. Рассказ охотника Семена Тайбаря. Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 21а–21б. 1949.

²⁶ Полевые записи М.С. Синецкина. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 36а–36б. 1949.

дикий (странный) — салако тадибе. Пристанет к ребятам: «Знаете ли вы, кто Хозяин Железного чума? Нет? Не знаете? Я — Пока Няйто — Хозяин Железного чума». Вот как-то взял и на охоту чучел привез — пустые малицы с палками внутри, на коих и держатся. На сани посадил. Говорит: «На них тоже давайте пай (долю), они — товарищи мои». А на Вайгаче все брал в руки пустую кость и смотрел в нее, как в трубу. Говорил: «Такие-то люди придут. Много таких людей будет». Сбылось — экспедиции.

В тундре, на материке — везде на путях главных езды расставлял знаки: земляные столбы, насыпи, шесты. Его спрашивали: «Зачем?» Он серьезно отвечал, не отрываясь от работы: «Это чтоб ездить знали как. Куда путь ведет. Недалеко впереди будет такое время, что мало останется мужчин. Женщинам самим придется ездить по тундре. Так это, чтоб дорогу знали, не потеряли». Сбылось — война. Много мужчин убито, и женщины стали оставлять свой след-дорогу не за мужскими полозьями, как ранее²⁷.

О тех, кто имел тэвэры с темными силами, не говорили, что они тадибе, и старались держаться подальше, чтобы они не украли душу для увеличения отведенного им срока жизни. Особенно много рассказов ходило в начале XX века о Табэло с Новой Земли, прожившем на Вайгаче много лет. О нем говорили вполголоса, чтобы не услышал, даже когда его не стало.

Табэло, когда молодой был, жил на Новой Земле. У него две жены. У первой — две дочери — умерли — и сын; у второй — один сын. Всего — два сына. Их послали на карбасе — недалеко — за вещами, керосином. Доехали, положили бочку — и назад.

²⁷ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Семена Тайбаря. Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 336–35а. 1949.

Один сын его утонул — рукав малицы за уключину обмотался. Думали, ко дну ушел или выбросило мертвого вместе с карбасом. Потом из упряжки собаки пришли, они тоже на карбасе были. Это на Новой Земле, на Кусачеве было, между. Табэло сказал: «Это непорядок. Что-то не то там было. Смотреть надо идти. Надо искать».

Ходил раз — ничего не нашел. Второй раз пошел. Собирается. Бабушке говорит: «Я сына где ли искать мертвого пойду. Приду — тебя убью. Мне инд, индэт (душа) нужна, тогда сын оживет». Она плачет. Одейся, пошел искать. Ходил целые сутки. Не нашел.

Бедный всегда был. На кого рассердится, за сопку уйдет, а выйдет — семь волков. Стадо обидчика разгонят волки. Меня предупреждали: не дать ему обойти кругом себя. А он стремится. Если обойдет, то душу возьмет — заболеешь или даже умрешь. Надо избегать, как он, хитрить всегда. Он так хитрил: вынет х.. и ссыт в пимы. Люди смеются, а ему того и надо, он и окружает. И женщин тоже. Ему души нужны были. Он жизнь, остается что человеку, брал себе. Сколько возьмет, настолько больше жить будет. Век брал от человека, отымал. Некоторых обошел, умерли те. Какая-то болезнь, даже доктор не узнает. Потом не давали — все знали. Вот он и умер.

Всю жизнь он не мылся, даже лица не мыл. Жил долго, лет 150, может. Говорил: «Если зимой умру — зарыть нельзя. Хворост, сено тащите, сожгите. Если не успеете, как будет двенадцать часов, встану. Хоть хорошего моего товарища, жалеть не буду, первого попавшегося схвачу». В 1916 году умер на Новой Земле.

Когда у меня мать умерла, его дочку взял отец. Она была полоумная тоже. Бинобль брала, смотрела: «Вот мой отец, палка шевелится у него на хальмере». Он нечистый дух, раз шевелится²⁸.

²⁸ Полевые записи М.С. Сеницына.
Тетрадь «Вайгачская № 4», с. 606–63а. 1949.

Еще один рассказ о Табэло и его распоряжении относительно собственной смерти:

Непростой шаман был Табэло, не настоящий, не с Нумом связан. Жил тогда на юге Вайгача, возле Сухого. Мог за семь дней весь Вайгач по мыскам обойти. Куда ни ездил, сядзев везде устанавливал вновь. Везде копейку бросал. Зубы железные растил, по одному — сверху и снизу — людей есть. Который с Нумом, так не делает. Он не шаман. Три яйца у него было и костяной сак. Показывал ведь всем. Внутри-то у всех зверей так, кроме оленя. Ему скажут: покажи, он расстегнет штаны, вынет. На ладони показывает, считает, взвешивает. Редко такие бывают.

Как жену себе взял другую (вторую)? Болела, вылечил с условием. Так и сказал: «Вылечу, но тогда мне отдайте, другой женой будет». Родители согласились, он и вылечил.

Велел не здесь <хоронить>, а на островке. Положить велел спиной вверх: «Если животом, я встану, какую ни есть щепочку положу, по ней перейду (к вам на землю с моего островка). Всех есть буду — хоть жену свою, хоть товарища, хоть брата. Тогда видеть, разбирать не буду. Ни одного человека на Новой Земле не останется. Потом на Вайгач перейду и дальше». Настоящие-то шаманы не ходят так. В тот же день закопали его на островке. Говорил: «Не сможете в тот же день — беда». Говорят, как руки его клали, схватил русского²⁹.

Обычные люди уважали и ценили шаманов, ведь без их умения, как считалось, не вернется удача, здоровье, благополучие. Их приглашали в случае надобности, но боялись силы, которая стоит за ними, потому задабривали. Ссора с шаманом могла привести к большой беде и даже смерти обидчика или еще хуже: «Живой не будешь и мертвый не будешь».

²⁹ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Нямо Вылко. Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 46—6а. 1949.

Так говорят, когда шаман насылает водяного червя — Ид Халу. Проникнув в тело, он делает невозможным обычные выделения, отчего человек долго мучается, а потом все равно умирает.

Если появился у кого ли червяк — это непременно шаман на него сердит, вот он и послал. Червяк его только слушается, ему подчиняется. Так и знай. Червяк этот по всему телу ходит. Это не глист, не в кишках. Он везде ходит. Его даже можно прощупать иногда, как он ползет под кожей. Вот он живет в человеке, его ест. Как всего съест, все внутри у него съест, так и умрет человек. Но бывает, что другой более сильный шаман и прогонит этого червяка. Когда два шамана поругаются, о, тогда берегись! Начнут они друг другу разные болезни пускать. Так и помрет тот, кто послабей, знает поменьше³⁰.

О битвах шаманов есть много легенд, в том числе записанных от очевидцев событий:

Стреляли друг в друга в лоб — рядом были, в упор — и ничего. Сидят, хоть бы что. Даже дырки, даже следа нету от пули. Вот как! Силу мерили, кто сильнее. И ни который переспорить не мог. Еще угли в рот брали. Тогда из глаз, ушей, ноздрей и рта дым шел. Потом возьмут грязи из-под ног — земли со снегом — и проглотят. И перестанет это — потушат. Или один грудь вспорет, раздвинет, а потом соединит — и снова цел. Вот какие шаманы были! Сейчас-то нету. Может, и есть, но спрятались³¹.

³⁰ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ охотника Семена Тайбаря.
Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 17а–18б. 1949.

³¹ Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ сказителя Нелёко Вылко, очевидца событий.
Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 2а–2б. 1949.

Считается, что шаман свою смерть не видит — «туман наплывает», но убить его очень непросто. Тем не менее есть вещи, которых шаман боится, особенно тот, кто связан с подземным миром. Например, деревья *нюркэ*, из которого был сделан *хальмер* Табэло: «Так-то мягкое дерево, но даже с железными зубами грызть не может, чтобы встать и людей есть».

Помнят на Вайгаче и о диком *Иле*, с которым, что ни делали, а убить не могли:

Ил злой был, дикий. Людей убивать хотел. Так было. Он с другими сидел в чуме. Разговаривали. Было лето, тепло. Дверь-полог была откинута. К чуму подходил мужчина, чей-то отец. Вдруг Ил схватил ружье и стал целиться. Нажал курок, но рядом с ним сидевший человек ударил по стволу ружья, подбросил вверх.

Еще после он многих других убить норовился. И вот решили люди положить этому конец. Решили сами казнить его, а то жизни спокойной совсем лишились. Собрались. Сломали ему руки, ноги. Ходить он не может, ползает кое-как. Оставили его так.

*Он пополз к воде, к озеру. Дополз до воды. Оперся о берег локтем одной руки, другой хлестнул по воде. Как мазанул — целая стала рука, будто и не ломали ее. Так же и другую: как мазанул, так и целая стала. И ноги поправил. Вот какой был! Наверное, шаман, не знаем мы. И как его ни ломали, только до воды доберется, мазанет, хлопнет — и нет ничего, цело все. Вот как вода ему помогала! Силы *Ид'ерва*, водяные за него, видно, были.*

Как ни пробовали, ничего не выходит. Тогда его опять так сломали, связали еще, чтобы не смог до воды доползти, да связанного и отвезли в Хабарово. Русским, кажется, отдали. Но там убили, в общем³².

³² Полевые записи М.С. Сеницына. Рассказ Николая и Павла Лагейских. Тетрадь «Вайгачская № 3», с. 106–116. 1949.

К 1950 году действующих шаманов на Вайгаче не осталось, даже тех, кто бил в медные тазы. Память о них сохранилась только в этих рассказах, большинство из которых описывают события начала XX века. Представления о божествах и духах тоже сильно упростились до «хорошее — сверху, плохое — снизу». Но репрессии 1930-х годов не коснулись сказителей — истинных хранителей народной самобытности, в песнях которых шаманы по-прежнему были живы и воевали с силами зла, оберегая людей от бед как этого, так и потустороннего мира.

ПОСЛЕДНИЙ СКАЗИТЕЛЬ НЁЛЁКО ВЫЛКО. ВАЙГАЧ, 1949

СКАЗИТЕЛЬ НЁЛЁКО И ЕГО СЕМЬЯ

В свободное время рыбаки часто собирались в одном из чумов или просто на воздухе, как под навесом, сидя у большой опрокинутой лодки. Один за другим они пели или рассказывали старые предания.

Бывало, чум заполнялся так тесно, что трудно было даже пошевелиться. И каждый рассказчик был артистом. Он не только повествовал, но и непременно изображал. Его жесты, выражения лица, блеск глаз были незаменимым дополнением к рассказу³³.

Так описывает свои встречи с ненцами в ямальской фактории Морды-Яха в 1944 году М.С. Сеницын. Это были не сказители, а простые люди, которые пели о своей тяжелой жизни, «плакались».

Отсюда и берет начало ярабц — «плач», исполнение которого может занять много вечеров.

Вся жизнь из песен: когда ли, как было, кто ли как мучился... Потом, когда отмучился, когда прошло это, стал жить хорошо, лучше, он и поет. Гости когда ли будут, может, выпьют немного, ну он им и рассказывает — поет, плачется, про свои мучения рассказывает. Люди слушают. Вот послушали, разошлись, а кто-нибудь

³³ Сеницын М. По ненецкой земле. Путевые очерки. — М., 1960, с. 89–90.

из них повторил, что слышал, пропел, рассказал другим про его жизнь теми же словами, как он сам им рассказывал. Вот и пошла ярапу³⁴.

Одни песни было легко запомнить, другие, со сложными переливами мотива и текстом в записи до семидесяти и более страниц, выучить было под силу лишь избранным, тем, кого и называли *сюдбала* — сказитель. Поэтому настоящих сказителей, кто мог непрерывно петь в течение многих часов, рассказывая о богатырях и шаманах прошлого, всегда было немного. В середине 1940-х годов таких на Вайгаче было всего два: старик Василий Тайбарей из Лямчино, которого все звали просто Вэль Васька, и Иван Вылко — Нёлёко Ванька. Василий Тайбарей был к тому времени тяжело больным, как считали ненцы, он страдал «водяной, сингой, туберкулезом, чахоткой и гнилыми легкими». «Умрет человек, умрут и его сказки», — с сожалением говорили люди, но незадолго до смерти он подготовил доски для гроба и начал диктовать некоторые песни своей дочери, хотя до этого не верил в силу слова на бумаге. Сказал: «Вот растает снег, появятся цветочки, тогда и умру я». Так и произошло. 5 августа 1949 года объявили, что Вэль Васька, под каким именем его и знали ненцы, ушел к верхним людям. Часть его репертуара перенял Нёлёко Ванька — Иван Васильевич Вылко, которому тогда было уже больше сорока лет; записанные дочерью тексты со временем пропали, другая часть действительно ушла вместе с ним.

Дед (по другим записям, дядя) Ивана Вылко — Сянтако Вэсако, он же Петр Вылко, был известным шаманом, имел костюм и бубен. Имя Сянтако он получил еще в детстве из-за смуглой кожи, сравниваемой по цвету с коричневой корой дерева *пян сябт*. «О, какой черный, как сябт красный», — говорили о нем старики. Брата его (в некоторых источниках, деда Ивана) прозвали так же — Папа Парисе, то есть Черный папа. Предчувствуя скорую кончину, Сянтако поехал с детьми на мыс Костяной, вытянул руку,

³⁴ Полевые записи М.С. Синицына. Рассказ охотника Семена Тайбарей. Тетрадь «Вайгачская № 2», с. 65а–69а. 1949.

МОГИЛА ШАМАНА СЯНТАКО (ПЕТРА ВЫЛКО)
НА МЫСЕ КОСТЯНОЙ. ВАЙГАЧ, 1949

сказал: «Здесь! Вот здесь меня положите». После смерти на его могиле был поставлен «ненецкий крест, как у попа, что целовать подходят» с тремя перекладинами и вырезана надпись: «Петр Кириллович Вылко. Скончался 80 к. т. 1912 г.». Это место впоследствии стало почитаемым не только родственниками Сянтако, но и другими людьми Вайгача: «По сей день ездят, кормят, поят и просят».

Ненецкое имя Василия Вылко, отца Ивана, было Нёлёко, поэтому и сына прозвали Нёлёко Ванька. Родовая фамилия происходит от слова «вы», что означает «тундра», где и кочевала семья — в Большеземельской тундре — в постоянной нужде и бедности. Василий батрачил на «хозяина» в лавке Шаламова. Сам Шаламов злоупотреблял спиртным и из-за этого вскоре потерял имущество, дом и стал бродягой, таким же, как и его работник Василий, которого тоже спаивал.

Еще при жизни Сянтако совсем молодого Ивана хотели женить на одной богатой вдове, старше его на десять лет. «Я тогда еще неженатый был, не спешил, без оленей-то куда? — вспоминал Иван. — Одна присылала. Она молодая была за стариком. Трое детей от него. Не захотел. Смеяться будут люди, скажут, олени чужие, даром достались». Чтобы самостоятельно выбрать в будущем жену и обзавестись хозяйством, Ванька Нёлёко вместе с товарищами, такими же, как он, бедняками, решает заняться воровством оленей, как когда-то Ваули Пиеттомин: «Аргиш-то я не воровал, оленей только. Мясо — на что его? Хватит. Шкуры только брали, а мясо оставлял». Олени в стаде были мечены тавром хозяина, и их нельзя было просто так увести, чтобы потом не попасться на штраф — четыре за одного, а шкуры — безликие, кто узнает. Для успеха в этом деле один шаман, когда-то вылечивший Василия Вылко от гнойной раны и съевший его болезнь, дает на время его сыну особый круглый камень — «внутри бьется, стучит чего-то, если трясешь». «Этот камень очень помогал. Как оленей воровать идем, сядешь у лужи или ручья, его в воду опустишь, поддержишь — туман станет, совсем ничего не видно. От воды подымается туман, и тогда воровать очень хорошо».

Через какое-то время Иван, которого после смерти отца так и стали называть по его имени — Нёлёко Вылко — все-таки выбирает женщину. О ней он впоследствии мало говорит, поэтому есть пробелы в его биографии. От нее рождаются две дочери — старшая

Окся (Ксения) и младшая Энэсько (Аска, Анисья) — и сын Николай. По некоторым сведениям, первую жену Ивана звали Дарьей, и она считалась полушаманкой. Будто бы она уехала в Амдерму и стала жить с русским, который потом ушел к другой. Умерла она в 1942 году, и Нёлёко решает жениться второй раз на Марье Тайбарей.

Отец Марьи Ситясь, как и Иван по молодости, был оленьим вором и в одном из эпизодов ранен пулей в щеку, когда уходил от погони. В детстве Марью хотели послать учиться в церковно-приходскую школу, но мать не разрешила. Тогда отец договорился с богатым оленеводом Севси Харючи о выкупе за нее, чтобы пошла женой за его малолетнего сына. Харючи был богат, но скуп, поэтому дал за Марью всего 40 оленей, что по тем меркам считалось маленькой платой — меньше половины чума, на который шло 100 шкур, и равное этому количество голов было обычным выкупом за невесту. Уехав на Ямал в чум Харючи, Марья стала женой мальчика — «спала под своей паньцей, он еще не хотел». Там с ней плохо обращались, заставляли много работать и почти не кормили. Узнав об этом, Ситясь забрал ее домой, но выкуп не отдал, посчитав, что она отработала его сполна, прислуживая в чуме Харючи. К этому времени умерла ее старшая сестра, насильно выданная за Гаврея Валея, и тот приехал за Марьей, чтобы она перешла в его чум без выкупа и взяла на себя обязанности ушедшей жены.

Гавря Валея (Гаврей Ардеев) был уже преклонного возраста, жил на Вайгаче на мысе Костяной. До революции помогал шаманам, был *тэлтангу*, «переводчиком языка бубна», и сам шаманил. Когда пришли большевики и начались гонения, Ванюшка Ледков, о котором уже шла речь как о большом шамане, перед тем как его арестовали, посоветовал ему провести три ночи, не ставя чум и без оружия, на острове Лямчиной губы. Гаврей пренебрег этим — «ни к чему, мол, обойдусь так», но *сядзев* своих все же спрятал под скалой у Лямчино. Скрываясь от властей, искавших шаманов, он взял фамилию матери — Тайбарей, происходящую от ненецкого рода Тай Пари — Черные лбы. Таким образом, жена его Марья становится Тайбарей и рождает от Гаврея сына Семена и дочь Прасковью (Пашу).

Кочуя по Вайгачу, на мыс Костяной приезжает друг Гаврея Иван Нёлёко и временно останавливается в его чуме. После очередного обильного возлияния Гаврей умирает.

«Не выполнил указание, не поехал на остров, вот оттого и умер», — сказал об этом его сын Семен. Нёлёко остается жить в одном чуме с Марьей, которая вскоре всеми стала восприниматься как его жена.

Поскольку к тому времени гонения утихли, Нёлёко тоже шаманит: зашивает в качестве защиты *пэ сядэев* — каменных духов — в свою малицу, гадает с помощью деревянного волчка *сюр небя* (*сюр'на*), имеет небесную стрелу *хэхэ-мунгг* и т. д. «Я тоже немного шаман, — говорит он. — У кого захочу, тому сделаю, чтобы ружье не стреляло, в цель не попадало никогда». Помимо этого, он пробует силы в сказительстве, запоминая сложнейшие для исполнения песни, в том числе и от Василия Тайбаря, приходящегося родственником Гаврею по материнской линии. Эти занятия не приносят дохода, и Нёлёко испытывает свое шаманство в игре в карты, зашивая в одежду вместе с *пэ сядэями*, на удачу, карты от сыгранных колод. Основная игра идет по другую сторону от Югорского Шара — в Хабарово, где он пропадает месяцами. Однажды он ставит на кон годовой промысел шкурок песцов и проигрывает. Ставит оленье стадо в 500 голов и снова проигрывает. За игрой следит Марья, говорит: «Что мне делать без чума, без шкур и котлов, поставь и меня, авось отыграешь». Против уже ушедшего от него стада он ставит жену, и *пэ сядэи*, а может, зашитые в рукаве карты, позволяют ему отыграть все.

В 1947 году Марья продает чум на мысе Костяном колхозу. Семья в составе семи человек, включая двух детей Марьи от Гаврея, двух детей Нёлёко от первой жены (взрослая Ксения решает жить отдельно в поселке, поступив на работу избачом) и общего сына Василия, перебирается в полуразвалившийся заброшенный каменный дом дореволюционной постройки у полярной станции «Вайгач». Два их сына страдают легочной формой туберкулеза — обычной болезнью для этих мест, а дочь Прасковья — костным туберкулезом и из-за открытых свищей передвигается только на коленях. Сам Нёлёко тоже нездоров — из-за болей в ногах он не может полноценно охотиться, только на собаках. В таком состоянии их встречает в 1948 году Максим Синицын, молодой сотрудник полярной станции, который говорит Нёлёко, что хочет записать его сказки.

СОБИРАТЕЛЬ МАКСИМ СИНИЦЫН

Максим Сергеевич Синицын родился 3 июля 1928 года в Москве. Во время Великой Отечественной войны зимой 1943 года он вместе с родителями был эвакуирован в Тюмень, а оттуда — в Салехард. Через год, имея образование семь классов школы, поступил лаборантом в первый отряд Карской научно-промысловой экспедиции Наркомрыбпрома под руководством профессора А.Н. Пробатова, которая занималась изучением рыбохозяйственных перспектив Обской, Тазовской и Байдарацкой губы. На исследовательском судне «Гидрограф», вышедшем из Салехарда летом 1944 года, он обошел низовье Оби и Обскую губу до пролива Малыгина, отделяющего Ямал от острова Белый. Потом, следуя из Тамбея в составе группы из трех членов экспедиции, сотрудника НКВД, отвечающего за безопасность после недавних волнений ненецкого движения «Мандала», и проводников-ненцев Сисю Яптика и его сына Папули, он пересек на оленьих упряжках полуостров Ямал: от Се-Яхи на восточном побережье до Морды-Яхи на западном. Во время этого путешествия по тундре, занявшего 18 дней пути, Синицын вплотную соприкасается с бытом ненцев и начинает вести полевой дневник, а также собирает рисунки ненецких детей, никогда прежде не державших в руках карандаш. В экспедиции к этому занятию относились скептически — «нас на ненцев променял», но у самих коренных жителей Синицын приобрел одобрение и уважение. Вот как он сам пишет об этом:

Покончив с хозяйственными делами, я, как обычно, пристроился на свободной нарте и достал из полевой сумки дневник. Прежде чем раскрыть его, фразу, что сложилась в пути, записал на листочке чистой бумаги. Сунув его в тетрадь, я начал заполнять дневник и не заметил, как листок упал на землю. Подхваченный слабым

ветерком, он легко покатился по тундре. Так листок бы и пропал. Но немного в стороне на нескольких нартах, беседуя, сидели наши проводники. Случайно оторвавшись от тетрадки, я увидел, что Папули куда-то бежит. Вот он нагнулся и поймал бумажку.

Медленно шагая к месту, где я сидел, Папули развернул листок; он скользнул по нему глазами и остановился, задумавшись, то и дело перечитывая написанное. Мне стало неловко, а Папули с радостным выражением лица вдруг повернул к ненцам. Подойдя к ним, он стал что-то быстро и долго говорить, показывая листок. Все внимательно, с интересом слушали, иногда Сисю задавал вопросы. Затем он взял у сына листок, повертел его в руках, посмотрел и с той и с другой стороны. Сисю улыбнулся, сказал что-то ненцам и, поднявшись с нарты, направился ко мне. Остальные последовали за ним... Я машинально встал. Подойдя, Сисю протянул мне руку с бумажкой, а другую положил на плечо и медленно спокойно сказал:

— Хорошие слова про тундру пишешь. Молодец! Пиши, пиши... Это нужно!

С того дня отношение ко мне пастухов резко изменилось. Уже наутро я был переведен на вторую <...> нарту аргиша. А раньше ехал на последней³⁵.

Первый образец устно-поэтического фольклора ненцев — волшебную сказку о хитром шамане Игонопёнре — Синицын записывает в 1946 году в чуме председателя колхоза Александра Вэлло у реки Тотто-Яха, впадающей в Тазовскую губу, от его старшей жены Марии, не знавшей русского языка. После завершения работы Карской экспедиции и возвращения в Москву он хочет продолжить этнографические изыскания и, чтобы вновь попасть на Север, оканчивает курсы полярных работников при Главном управлении Северного морского пути. В июле 1948-го Синицын откомандировывается в Архангельск сроком на три года. Теперь, вооруженный необходимыми знаниями, от руки переписанным

³⁵ Синицын М. По ненецкой земле. Путевые очерки. — М., 1960, с. 73—74.

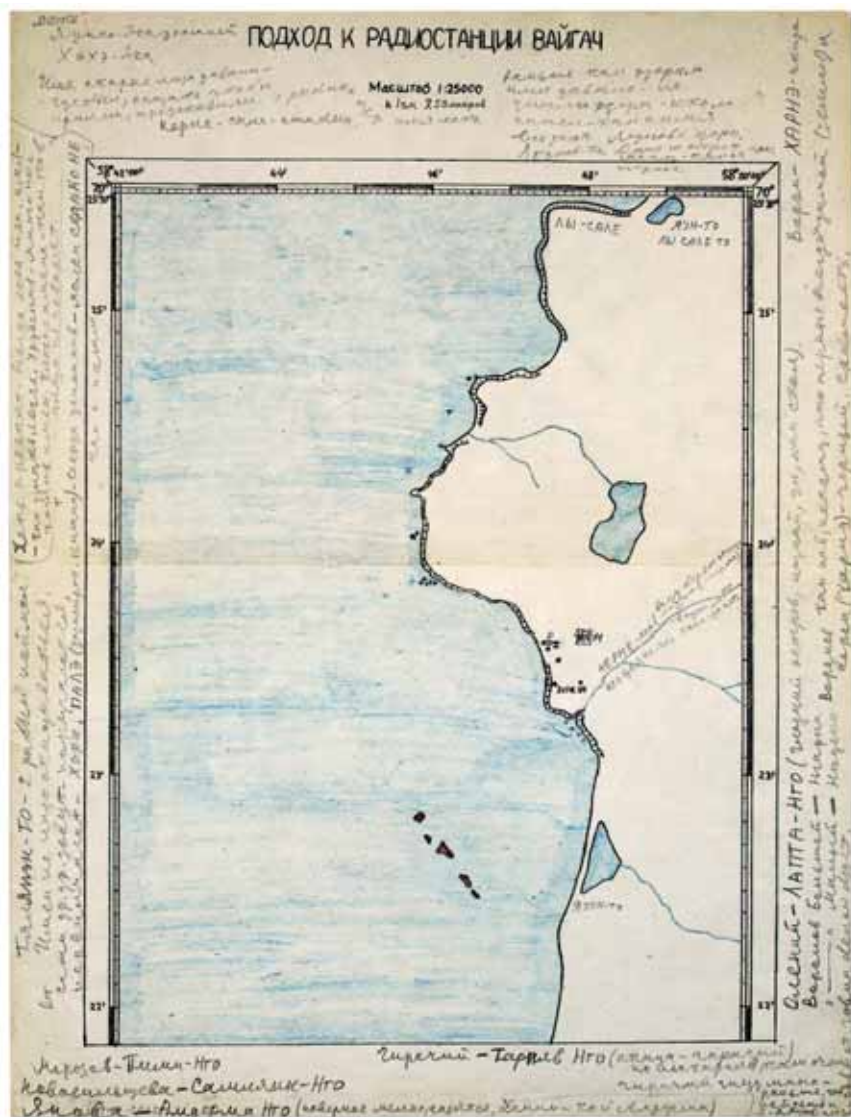

СОБИРАТЕЛЬ НЕНЕЦКОГО ФОЛЬКЛОРА М.С. СИНИЦЫН. БЕЛЫЙ, 1950

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ
ПЕРВОГО ДНЕВНИКА
М.С. СИНИЦЫНА,
НАЧАТОГО В ТАМБЕЕ
17 АВГУСТА 1944 ГОДА
В ВОЗРАСТЕ 16 ЛЕТ

«Русско-ненецким словарем» Г. Д. Вербова и сборником инструкций по сбору этнографических материалов Л. Я. Штенберга, он уже знает, как нужно вести полевую работу. Помимо этого, он берет с собой широкоформатный фотоаппарат, чтобы иллюстрировать свои записи. Вначале вновь хочет на Ямал, но перед самым отплытием из Архангельска, разошедшись во мнениях с начальством, решает изменить план и отправляется на остров Вайгач для работы на метеорологической станции. Там он встречается тундрового охотника Нёлёко (Ивана Васильевича) Вылко и открывает в его лице выдающегося знатока ненецкого фольклора, от которого записывает 12 эпических сказаний, занявших в общей сложности более 500 страниц текста и год времени.

ПОДХОД К РАДИОСТАНЦИИ «ВАЙГАЧ».
РИСУНОК ВЫПОЛНЕН НЕНЕЦКИМ ОХОТНИКОМ В 1948 Г. ВОКРУГ КАРТЫ — ПРИМЕЧАНИЯ
С ТРАДИЦИОННЫМИ НАЗВАНИЯМИ МЫСОВ И РЕК, СДЕЛАННЫЕ М.С. СИНИЦЫНЫМ

М.С. СИНИЦЫН С СЕМЬЕЙ НЁЛЁКО ВЫЛКО
У ИХ ЖИЛИЩА — ЗАБРОШЕННОГО ПОЛЯРНИКАМИ ДОМА
НА МЫСЕ КОСТЯНОМ. ВАЙГАЧ, 1949

«Иван рассказывает с акцентом, лицо, как у лисы, хитрое, глаза блестят, что у кошки, — пишет о Нёлёко М.С. Синецын в дневнике. — С ораторством говорит, с хорошими выдержками и восторгом. Попросишь — ни за что не споет: “Сам скажу — хорошо, а когда спрашиваешь, и говорить как-то не хочется”. А вот для себя — поет, вспоминает, верно, чтоб не забыть. В полголоса, ни на кого не глядя, а мы слушаем».

Помимо Нёлёко М.С. Синецын собирает сведения о шаманах от морзверобоя Нямбо Вылко, рассказы Семена Тайбаря, Павла Лагейского и многих других жителей Вайгача. Делает множество фотографий во время охоты на дичь и зверя, на стойбищах и становищах. Все это становится частью обширного архива, состоящего из восьми дневников, нескольких десятков папок и большой коробки с негативами.

После ликвидации полярной станции «Вайгач» в конце декабря 1949 года Синецына переводят на остров Диксон, потом — на Белый. Во время прохождения медкомиссии обнаруживается, что, собирая этнографические материалы в доме Нёлёко Вылко, он заразился туберкулезом. Синецыну категорически отказывают в дальнейшем пребывании в Арктике, и он вынуждено возвращается в Москву. Собранные им материалы положительно оценивают виднейшие этнографы и фольклористы страны — В.Я. Пропп, Б.О. Долгих, С.И. Минц и др. Тем не менее издать их не удастся ввиду идеологических соображений, имевших место в послевоенное время. Сказания основываются на вере в могущество шаманов и духов, изобилуют кровавыми сценами. Специалисты отмечают важность текстов, но ссылаются на неточности в их оформлении.

В 1959 году после нескольких статей, в том числе о Иване Нёлёко Вылко, опубликованных в газетах «Комсомольская правда» и в архангельской «Правде Севера», Синецына принимают в Союз журналистов СССР. В 1960-м в Государственном издательстве географической литературы выходит его первая и единственная книга «По ненецкой земле», но не о Вайгаче, а о Карской научно-промысловой экспедиции 1943–1947 годов.

Разочаровавшись отсутствием перспектив на издание сказаний Нёлёко, запись которых М.С. Синецын считал главным делом своей жизни, в 1965 году он тайно принимает крещение в Троице-Сергиевой Лавре от архимандрита Иова и берет новую тему, связанную с историей Русской православной церкви в советский период.

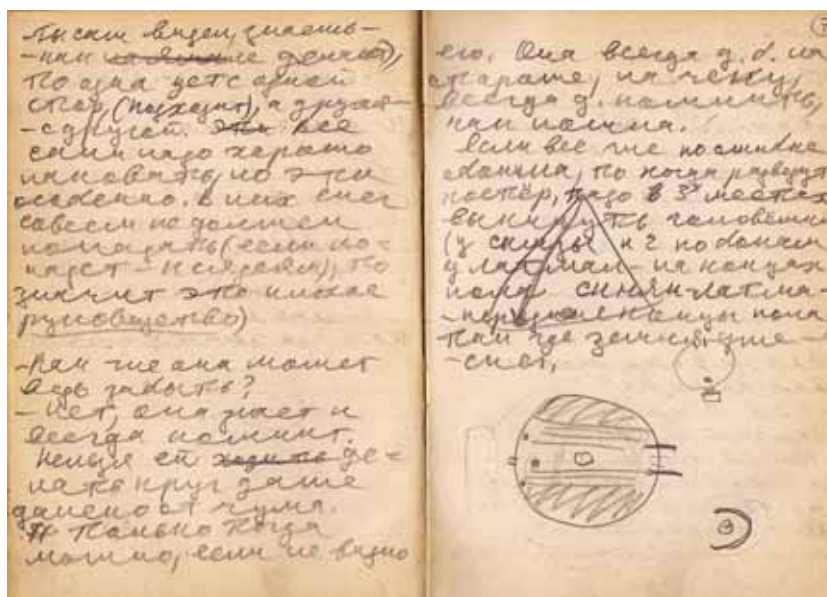
Все последующие годы он остается в Москве, занимается журналистикой и все меньше — этнографией. В 1990-е годы здоровье М.С. Сеницына резко ухудшается после перенесенного туберкулеза, результатом которого стала жизнь фактически с одним легким, двух инфарктов и диабета, снизившего и так слабое от рождения зрение. Он неоднократно высказывает опасения по поводу сохранности своего архива ввиду неблагоприятных семейных отношений и общего хаоса постсоветского периода: «Все ведь выбросят на помойку». В марте 2000 года в возрасте 72 лет, будучи совсем больным и не имеющим средств на лечение, Сеницын пишет письмо в Финляндию князю Дмитрию Шаховскому, обращаясь через него к продолжателям дела финского филолога и крупнейшего европейского специалиста по финно-угорским и самодийским народам Маттиаса Александра Кастрена. Он предлагает выкупить у него архив и коллекцию собранных на Севере артефактов, надеясь на вырученные деньги поправить здоровье. Письмо так и остается неотправленным, а через месяц, 26 апреля 2000 года, М.С. Сеницын покидает этот мир.

Вопрос с этнографическим архивом остается открытым, а после продажи наследниками квартиры становится критическим. Все дела по сохранению архива передаются мне — как человеку, знавшему М.С. Сеницына при жизни и глубоко заинтересованному в продвижении его наследия. Результатом первого разбора рукописей стала публикация в 2007 году в журнале «Мир Севера»³⁶ очерка «Северный герой Ваули. Из дневника полярника», посвященного восстанию под предводительством Пиеттомина. В 2010 году в Москве была организована выставка «“Первобытные” рисунки ненцев: впервые с карандашом»³⁷, куда вошли работы, собранные М.С. Сеницыным в 1944—1948 годы. Потом началась многолетняя работа по подготовке к изданию полного собрания текстов «Духи тундры. Эпические, родовые и шаманские сказания Нёлёко Вылко из собрания М.С. Сеницына, записанные на острове Вайгач в 1948—1949 гг.», вышедшего в 2017 году в издательстве «Велигор».

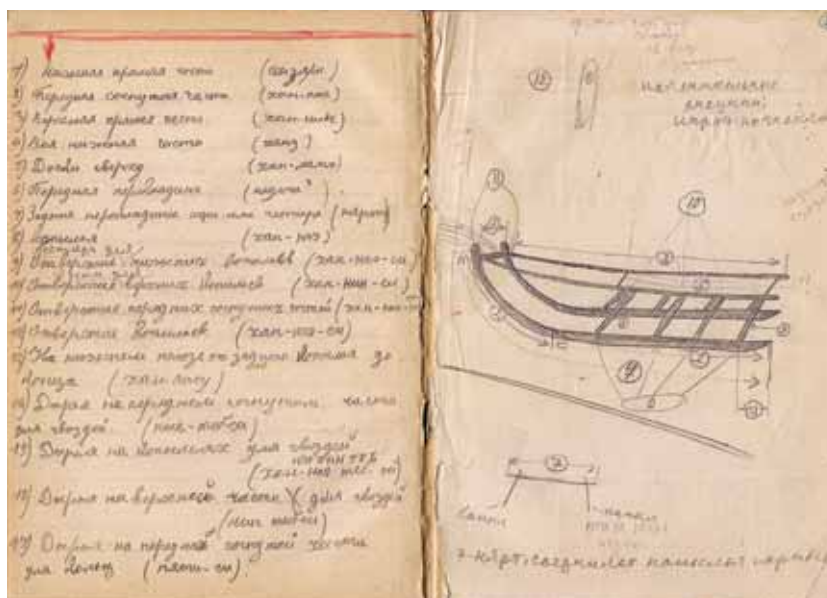
³⁶ Мир Севера. № 2 (52). 2007, с. 31—36.

³⁷ В рамках Международного этнографического фестиваля «Конь-Самолет».

СТРАНИЦЫ ТЕТРАДИ
«ВАЙГАЧСКАЯ №1»
(ЯНВАРЬ, 1949)
С ОПИСАНИЕМ
ДЕЙСТВИЙ
ПРИ НАРУШЕНИИ
ЖЕНЩИНОЙ ТАБУ
В ОТНОШЕНИИ
ДОМАШНИХ СЯДЭВ

СТРАНИЦЫ ТЕТРАДИ
«ВАЙГАЧСКАЯ №2»
(ИЮЛЬ, 1949)
С ОПИСАНИЕМ
И РИСУНКОМ
УСТРОЙСТВА НАРТЫ

ЕЗДОВОЙ ОЛЕНЬ-БЫК.
РИСУНОК
СЕМЕНА ТАЙБАРЕЯ,
ПРИЕМНОГО СЫНА
НЁЛЁКО ВЫЛКО.
ИЗ СОБРАНИЯ
М.С. СИНИЦЫНА
«ВПЕРВЫЕ
С КАРАНДАШОМ».
ВАЙГАЧ, 1948

В 2019 году во время рабочей встречи с издателем Леонидом Гусевым («Treemedia») и директором Центра документальной фотографии «Fotodoc» Александром Сориным было решено оцифровать и реставрировать архивные негативы 1930–1940-х, в том числе и на стеклянных носителях, и подготовить к изданию фотоальбом «Вайгач. Хебидя-Я». Помимо фотографий, сделанных М.С. Сеницыным, в этот альбом вошли неизданные рассказы о шаманах и духах, две легенды, обнаруженные в ходе разбора дневников, и сопроводительные тексты, относящиеся к изображенным сценам. Все это составляет наследие выдающегося, но недооцененного при жизни собирателя ненецкого фольклора — Максима Сергеевича Сеницына. Он жил и жертвовал своим здоровьем ради того, чтобы донести удивительный мир ненецкой культуры до нас.

ОЛАРД ДИКСОН

член Союза писателей России
и Русского географического общества,
хранитель архива М.С. Сеницына

НАЛЕВО ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ

ИЗ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ФОТОАРХИВА
ПОЛЯРНИКА М.С. СИНИЦЫНА

ОСТРОВ ВАЙГАЧ, 1948–1949

**СКАЗИТЕЛЬ НЁЛЁКО ВЫЛКО
И ДРУГИЕ ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА**

ПО ДНЕВНИКАМ М.С. СИНИЦЫНА

ПОСЛЕДНИЙ СКАЗИТЕЛЬ О. ВАЙГАЧ, ОХОТНИК И ПОЛУШАМАН
НЁЛЁКО (ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ) ВЫЛКО И ЕГО ВТОРАЯ ЖЕНА МАРЬЯ ТАЙБАРЕЙ

ОКСЯ (КСЕНИЯ) ВЫЛКО,
СТАРШАЯ ДОЧЬ НЁЛЁКО ОТ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ.
ЧИСЛИЛАСЬ В ПОСЕЛКЕ ИЗБАЧОМ,
ЛИКВИДАТОРОМ БЕЗГРАМОТНОСТИ

ЭНЭСЬКО, ИЛИ АСЬКА (АНИСЬЯ), ВЫЛКО,
МЛАДШАЯ ДОЧЬ НЁЛЁКО ОТ ПЕРВОЙ ЖЕНЫ.
ПОМОЩНИЦА В ДОМАШНИХ ДЕЛАХ
И НА ОХОТЕ

МОЛОДОЙ ОХОТНИК СЕМЕН ТАЙБАРЕЙ, СЫН МАРЬИ ОТ ПЕРВОГО МУЖА.
ОКОНЧИЛ ЧЕТЫРЕ КЛАССА ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА В ПОСЕЛКЕ АМДЕРМА,
ПОТОМ ВЕРНУЛСЯ НА ВАЙГАЧ И ПРОМЫШЛЯЛ ОХОТОЙ.
МЕЧТАЛ СТАТЬ ШАМАНОМ

МОРЗВЕРБОЙ НЯМБО (ИОНА КОНСТАНТИНОВИЧ) ВЫЛКО С ГУБЫ ДЫРОВАТОЙ
С ЖЕНОЙ, ТОЖЕ МАРЬЕЙ. ДРУГ НЁЛЁКО И МЛАДШИЙ БРАТ ЗНАМЕНИТОГО
СКАЗИТЕЛЯ И ХУДОЖНИКА С НОВОЙ ЗЕМЛИ, ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОСТРОВНОГО СОВЕТА
ДЕПУТАТОВ ТРУДЯЩИХСЯ ТЫКО (ИЛЬИ КОНСТАНТИНОВИЧА) ВЫЛКО.
В РАННЕМ ДЕТСТВЕ ОСТАЛСЯ БЕЗ МАТЕРИ И «ВЗЯЛ ТИТЬКУ ОЛЕНЬЮ».

КРАСАВИЦА МАЛЯКО (МАРЬЯ, МАРУСЯ) ТАЙБАРЕЙ.
ФОТО С НЕЙ ОПУБЛИКОВАНЫ В КНИГАХ «ГЕОГРАФИЯ В ШКОЛЕ» (1954),
«ПО НЕНЕЦКОЙ ЗЕМЛЕ» (СИНИЦЫН, 1960),
«ШАМАНСКИЕ ПРАКТИКИ В КЛАНАХ ВОРОНА И МАЛОГО ЛЕБЕДЯ»
(ДИКСОН, ЯДНЕ, 2001) И ДР.

ОХОТНИК И БОЛЬШОЙ СПЕЦИАЛИСТ ПО ВЫУЧКЕ СОБАК К ЕЗДЕ В УПРЯЖКЕ
МЭХЭЛЭ (МИХАИЛ) ВЫУЧЕЙСКИЙ С БОЛВАНСКОГО НОСА, ЕГО ЖЕНА ПРАСКОВЬЯ ТАЙБАРЕЙ,
ДОЧЬ ЕЛЕНА, УЧИВШАЯСЯ В РУССКОЙ ШКОЛЕ, И ДРУГИЕ ДЕТИ

ОХОТНИК ИОНА ЛЕДКОВ, БРАТ ИЗВЕСТНОЙ СКАЗИТЕЛЬНИЦЫ УЛЬЯНЫ ЛЕДКОВОЙ,
И ВОСПИТАТЕЛЬНИЦА ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТА В СТАНОВИЩЕ «ГУБА ДОЛГАЯ» С ДЕТЬМИ

УДАЧЛИВЫЙ ПРОМЫШЛЕННИК КИРИЛЛ КОЛОСОВ С О. БЕЛЫЙ,
О КОТОРОМ ПИСАЛИ В ГАЗЕТЕ, ЧТО ТОЛЬКО ЗА ОДИН СЕЗОН 1949/1950
ОН СДАЛ 155 ПЕСЦОВЫХ ШКУРОК

ЛЕТЧИК ПОЛЯРНОЙ АВИАЦИИ ТОВ. СИТНИКОВ
И ШТУРМАН ТОВ. БРОДКИН, ОТПРАВИВШИЕСЯ
НА ПОИСКИ ПРОПАВШЕГО ЭКИПАЖА Э. АДАМОВА

**СОТРУДНИКИ
ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ
ВАЙГАЧ**

ВАЖНАЯ ФИГУРА НА СТАНЦИИ —
ТОВ. А.А. БАДУНОВ, КОТОРОГО
НЕНЦЫ УВАЖИТЕЛЬНО
ИМЕНОВАЛИ НЕ ИНАЧЕ
КАК НГЭВЭ МЯРЁЙ ВЭСАКО —
ЛЫСОГОЛОВЫЙ СТАРИК

ИВАН ГЕОРГИЕВИЧ М. ВСЕ НАЗЫВАЛИ ЕГО
УВАЖИТЕЛЬНО ПО ИМЕНИ-ОТЧЕСТВУ,
А ДЛЯ НЕНЦЕВ ОН БЫЛ ЗА ДОБРЫЙ НРАВ
И СПОКОЙНЫЙ ХАРАКТЕР ВЕТРЯК ВЭСАКО,
СОВСЕМ КАК ВЕТРЯНОЙ ГЕНЕРАТОР,
СТОЯЩИЙ НА СТАНЦИИ

ЮРИЙ ВАНШТЕЛЬ,
МОЛОДОЙ И БЕСШАБАШНЫЙ
СПЕЦИАЛИСТ-МЕТЕОРОЛОГ,
УВЕДШИЙ ПОСЛЕ ДОЛГИХ ПОХОЖДЕНИЙ
ЖЕНУ У СВОЕГО НАЧАЛЬНИКА —
ЛЫСОГОЛОВОГО СТАРИКА

ВЛАДИМИР БЕРЗИН,
ИЛИ ЯПТАКО ЛУЦА — ТЕМНЫЙ РУССКИЙ,
ПРОЗВАННЫЙ ТАК ЗА УМЕНИЕ ДЕЛАТЬ
РАБОТУ, НЕ ВСТУПАЯ В РАЗГОВОРЫ

МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
И СОБИРАТЕЛЬ ФОЛЬКЛОРА
МАКСИМ СИНИЦЫН, ПОЛУЧИВШИЙ
ОТ НЁЛЁКО ИМЯ ТАДИБЕ ЛУЦА —
РУССКИЙ ШАМАН — ЗА СТРАСТЬ
К ДРЕВНИМ ПРЕДАНИЯМ, А ОТ НЯМБО —
ИРЫЙ ХАСАВО — ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ —
ЗА ЛЮБОВЬ К НОЧНОМУ НЕБУ

МЕХАНИК ГЕРКА
ИЛИ, КАК НАЗЫВАЛА
ЕГО МАРЬЯ ТАЙБАРЕЙ,
ВЫНЭКО ХАСАВО —
СОБАКА-МУЖЧИНА,
ПОТОМУ ЧТО, СОГЛАСНО
НЕНЕЦКИМ ПОВЕРЬЯМ,
У КОГО РАСТУТ ВОЛОСЫ
НА ТЕЛЕ, У ТОГО МАТЬ,
БУДУЧИ БЕРЕМЕННОЙ,
ПЕРЕШАГНУЛА СОБАКУ

ЕДИНСТВЕННАЯ ЖЕНЩИНА
НА СТАНЦИИ — ПОВАР ГУТЯ,
ИМЕВШАЯ МАЛОЛЕТНИХ
ДОЧЕРЕЙ-ДВОЙНЯШЕК,
И ИЗНАЧАЛЬНО ЖЕНА
ТОВАРИЩА БАДУНОВА, ПОТОМ —
ЮРИЯ ВАНШТЕЛЯ

НЕНЕЦКИЕ СТОЙБИЩА И СТАНОВИЩА

Ненецкий чум — *мя* — сооружается из составленных конусом длинных тонких шестов, обтянутых сверху оленьими шкурами. Летом покрывка однослойная, мехом наружу, зимой двухслойная; причем одна полость обращена мехом внутрь, другая — наружу. Верхняя покрывка — *нюк* — быстро снашивается. Ветер, дождь и снег вырывают шерсть, оставляя оголенные участки с темно-серой от времени кожей. Эти «плешины» нужно тотчас же вырезать и заменить хорошей шкурой, иначе кожа может прорваться. Поэтому женщинам нередко приходится штопать «стены» чума. В отличие от *нюка*, нижняя покрывка — *поднючье* — может быть и без шерсти. Когда под рукой нет свободной шкуры, женщины вырезают хороший кусок с нижней покрывки и переставляют его на верхнюю, а в дыру вшивают заплату из «плешивой» кожи, снятой с *нюка*.

Согласно древним поверьям в *сядеев* — духов, женщина ни в коем случае не может обходить чум кругом, только если далеко, когда его не видно. Если по ошибке так случится, будет беда — волк нападет на стадо. Тогда берут три головешки из костра и кладут одну у *сымзы* (священного шеста, олицетворяющего духа очага), а две другие — по бокам от деревянных изображений покровителей семьи, стоящих за ним на «чистом месте».

Недалеко от берега стояло два чума. В них жили члены одной из рыболовецких бригад местного колхоза. От чумов к нам подошли два невысоких смуглых человека с черными, подстриженными под кружок волосами. Мехом внутрь на них были одеты длинные подпоясанные рубахи — малицы из оленьих шкур. Капюшоны, пришитые к малицам, были сдвинуты с голов и только сзади закрывали часть шеи. Улыбаясь карими, чуть-чуть узковатого разреза глазами, рыбаки ответили на наше приветствие: «Ань торова!» В таком виде русское «здравствуй, здорово» вошло в ненецкий язык.

Главный труженик в чуме — женщина. В ненецком хозяйстве у нее очень много работы. Кроме приготовления пищи и ухода за детьми, она выполняет еще массу других обязанностей. Ненка сушит, затем обрабатывает скребком оленьи шкуры, шьет из них одежду и обувь; изготавливает покрывки для чума, то есть фактически строит дом, что в других местах делает мужчина. В старые времена она вставала раньше всех и тотчас же начала раздувать огонь дымного очага. Напряженно проработав весь день, она позже других ложилась спать, своими натруженными, исколотыми иголкой руками почти до утра просушивая и починая снятые мужчинами вещи.

Хозяйка подала хлеб, масло, сахар, наполнила чашки крепким, почти черным чаем. Не спрашивая нас, она все подливала и подливала, мы пили чашку за чашкой, вытирали пот и вели медленный, неспешный разговор о трудности летних переездов.

В тундре очень бережно относятся к чайной посуде и при перекочевке аккуратно ее перекладывают особыми мелкими стружками. В разных чумах мы видели очень красивые чашки и блюда. Некоторые из них, судя по старым фабричным маркам, были изготовлены много лет назад на лучших заводах царской России.

Без всяких просьб хозяйка высушила и, где надо, заштопала нам малицы. Она делала это так, будто обязана привести в порядок наше платье. Нас кормили, угощали чаем, и все это молча, словно мы старые друзья семьи. В приеме, оказанном путникам, не было ничего исключительного. Это долг каждого. Такое радушие стало обычаем, хорошим обычаем безвозмездно и молча помогать человеку в тундре. Так же и с едой: все, кто зашел в чум — будь то знакомый или незнакомый, — без всяких приглашений (они здесь не приняты) присоединяются к трапезе. Перед ними всегда поставят миски. Человек, проездом вошедший в чум в рваных кисах, наутро может оказаться в новой обуви, которую хозяин дал путнику. И никто не говорит «спасибо». В ненецком языке нет такого слова.

ЛЕТНИЙ ЧУМ ИЗ ПЛОТНОГО СУКНА

ЗИМНИЙ ЧУМ ИЗ ОЛЕНЬИХ ШКУР

▲
ДЕТИ УСТРОИЛИ ИГРУ

СТАНОВИЩЕ НА МЫСЕ
БОЛВАНСКИЙ НОС ОХОТНИКА
МИХАИЛА ВЫУЧЕЙСКОГО

ДОМ «ПО-РУССКИ» СЕМЬИ МИХАИЛА,
СДЕЛАННЫЙ ИЗ СОБРАННЫХ И ПРИВЕЗЕННЫХ НА МЫС БЕСХОЗНЫХ ДОСОК

МОРЗВЕРОВОЙ НЯМБО ВЫЛКО С СЕМЬЕЙ
НА ГУБЕ ДЫРОВАТОЙ

НЁЛЁКО И МАРЬЯ ВЫЛКО С ДЕТЬМИ:
МАЛЕНЬКИМ ВАСИЛИЕМ И ПРАСКОВЬЕЙ, ПЕРЕДВИГАЮЩЕЙСЯ
НА КОЛЕНЯХ ИЗ-ЗА ОТКРЫТОГО ТУБЕРКУЛЕЗА

МАРЬЯ С СЫНОМ ВАСИЛИЕМ, КОТОРЫЙ УЖЕ ИМЕЕТ СОБСТВЕННЫЙ НОЖ
В ТРАДИЦИОННЫХ НОЖНАХ, НАБРАННЫХ ИЗ РАЗРЕЗАННОГО НА ПОЛОСКИ
МЕДНОГО ТАЗИКА ЦАРСКИХ ВРЕМЕН

КРАСАВИЦЫ ОКНЯ И ЭНЭСЬКО НА СТАНОВИЩЕ ГУБА ДОЛГАЯ

ЭНЭСЬКО И ИВАН,
СЫН ОХОТНИКА
ИОНЫ ЛЕДКОВА,
ЗАГОТАВЛИВАЮТ
ДРОВА

БОЛЬШОЕ
ПОЛЕНО

▲
В ДОМЕ БУДЕТ ТЕПЛО,
МОЖНО ВАРИТЬ МЯСО
И ДЕЛАТЬ ЧАЙ

НЁЛЁКО ГОВОРИТ,
ОТХЛЕБЫВАЯ ЧАЙ
ИЗ БЛЮДЕЧКА:
«С НЕРПЫ ДА РЫБЫ
ПОТОМУ ТАК ПИТЬ
ХОЧЕТСЯ, ЧТО ОНИ
В ВОДЕ ЖИВУТ.»

КОГДА МУЖЧИНЫ УЖЕ СПЯТ, У ЖЕНЩИН МНОГО ДЕЛ:
НУЖНО ПОЧИНИТЬ МАЛИЦЫ, ПОДШИТЬ ИСТОПТАВШИЕСЯ КИСЫ,
УКРАСИТЬ БИСЕРОМ ШАПКУ-САВУ

НА ОЛЕНЯХ И СОБАКАХ

Нарты — это самая рациональная для тундры повозка. Есть нарты легковые для быстрой езды с седоком и грузовые для неспешной перевозки клади при перекочевках. Известно двадцать видов нарт, предназначенных для разных целей: для шестов, составляющих остов чума, для лодки, для бочек с жиром морского зверя и т. д. В зависимости от назначения они имеют свои конструктивные особенности. Так, у самых красивых — мужских легковых — сиденье лишь сзади украшено небольшой спинкой. В отличие от них, женские нарты с трех сторон сиденья имеют высокие бортики. Делается это для того, чтобы зыбка (люлька) с ребенком, которого мать кладет рядом с собой, во время езды не выпала из саней. Женские сани — самые крупные из легковых нарт. Ведь кроме зыбки здесь непременно находятся некоторые вещи; нередко же за матерью сидит малыш постарше. Обычно на этих санях сооружается вроде маленького чумика, который защищает детей от непогоды.

Также нарты различают по количеству копыльев, по-ненецки *хан нгэ* — «нога нарты». Чем больше копыльев, тем нарты красивее. Скромные люди делают себе четырехкопыльные легковые сани, но те, кто любит пощеголять, обзаводятся нарядными пяти- и даже шестикопыльными нартами. Священные шаманские сани, где прежде у каждой семьи хранился идол, непременно должны были иметь семь копыльев, а хозяйка чума смотрела, чтобы при перекочевке к ним не попал снег.

Управлять упряжкой несложно, самое трудное — приучить животных повиноваться. Чтобы олени бежали быстрее, погонщик несколько раз подряд издает едва слышный протяжный звук: «Кссь, кссь, кссь», — затем три раза чмокает губами, потом снова раздастся: «Кссь, кссь, кссь». Услышав эту команду, олени стараются изо всех сил. При загоне оленей, сложив ладони рупором, зовут: «Хоок, хоок, хоок!» Когда собаки уже кружатся

вокруг стада, тесня животных к полукругу загона, составленного из нарт, пастухи подбадривают оленей криком: «Хой, хой, хой!»

Крайний слева олень — передовой. Этот олень не только самый умный, но и наиболее сильный: он должен уметь повернуть всю упряжку в нужную сторону. Если надо повернуть влево, следует чуть-чуть натянуть ремень, идущий к передовому оленю, а для поворота вправо достаточно сбоку поднести к морде передового оленя конец *хорей*. Этот длинный шест оказывает на оленей и ездовых собак прямо-таки магическое действие. Им не ударяют, только иногда слегка толкают в спину. Чтобы при этом животным было не очень больно, на тонкий конец *хорей* надет небольшой костяной шарик. Но обычно стоит лишь оленю почувствовать нависший над спиной *хорей*, как он тотчас же начинает тянуть из последних сил. На задний конец *хорей* раньше насаживали кованый наконечник. При необходимости он, словно копье, мог служить оружием. Им отбивались от волков.

Весной, когда оголодавшие за зиму олени быстро устают и выбиваются из сил, в нарты запрягают собак. Собачья упряжка является в тундре самым быстрым средством передвижения. Командные слова собакам другие. «Ля-ля-ля», — так погонщик подзывает собак к упряжке. «Тяа-тяа», — чтобы передовая собака тронулась, потянув других; «пырь-пырь» — значит «бежать быстрее», и четкое «ля!» — для остановки.

Олени и собаки не могут беспрерывно тянуть нарты. Поэтому, будь то целый караван — *няпой* (аргиш) — или одна легковая упряжка, время от времени проводник останавливается, чтобы дать животным передохнуть. Он стоит минут десять, но этого вполне достаточно. Перегоны приблизительно одинаковые, около десяти километров. Летом — несколько короче, зимой — длиннее. Один такой переход называется *попрыском*. Это здешняя мера расстояния. Тут говорят: до такого-то пункта столько-то *попрысков*, что дает почти точное представление о продолжительности пути.

ДЛЯ ПЕРЕКОЧЕКИ (КАСЛАНИЯ) НА НОВОЕ СТОЙБИЩЕ НУЖНО МНОГО НАРТ —
ГРУЗОВЫХ С ПЯТЬЮ КОПЫЛЯМИ И ЛЕГКОВЫХ — С ТРЕМЯ

ДЕРЕВЯННЫЙ
ЩИТ И КУЗОВ
НА ГРУЗОВЫХ
НАРТАХ
ПРЕДОХРАНЯЮТ
ОТ СНЕГА, ВЕТРА
И ПАДЕНИЯ

МЯГКУЮ
РУХЛЯДЬ
ПРИВЯЗЫВАЮТ
К КОПЫЛЯМ
КОЖАНЫМИ
АРКАНАМИ
И ПЛОТНО
УТЯГИВАЮТ

ТЕПЕРЬ ВСЕ ГОТОВО

МОЖНО ИДТИ В ОЛЕНЬЕ СТАДО

НЕ ВСЕ ОЛЕНИ ПОДХОДЯТ ДЛЯ УПРЯЖКИ,
ВЫБИРАЮТ НАИБОЛЕЕ ВЫНОСЛИВЫХ

СЛЕДУЯ ЗА ПЕРЕДОВЫМ, КРАЙНИМ СЛЕВА, ОЛЕНЕМ,
КОТОРОГО ДОЛГО ОБУЧАЮТ,
ОСТАЛЬНЫЕ ПОВОРАЧИВАЮТ В ТУ ИЛИ ИНУЮ СТОРОНУ

ДЛЯ ПРОСТОГО ПЕРЕДВИЖЕНИЯ И ОХОТЫ
В ЛЕГКИЕ НАРТЫ ЗАПРЯГАЮТ СОБАК

НА МАЛЫХ НАРТАХ
МОЖЕТ БЫТЬ
И ДВА КОПЫЛЯ

ЭТО НЕ САНКИ,
ЭТО СРЕДСТВО
ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

ОХОТНИК МИХАИЛ ВЫУЧЕЙСКИЙ
ПОДХОДИТ К УПРЯЖКЕ, ДЕРЖА В РУКЕ ХОРЕЙ —
ДЛИННУЮ ПАЛКУ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ

ДВИЖЕНИЕ ХОРЕЯ ВВЕРХ,
И СОБАКИ СРАЗУ ЗАТИХАЮТ

ДВИЖЕНИЕ ВНИЗ, И ЖИВОТНЫЕ ТОТЧАС
ВЫСТРАИВАЮТСЯ В ЛИНИЮ

В ПУТЫ!

ПО ПРОСТОРАМ
ЗАСНЕЖЕННОЙ ТУНДРЫ

ЛЕБЕДИ ПРИЛЕТЕЛИ

Едва заметно возвышаясь над песчаной полосой приливов, тянется коренной берег. За ним лежит плоская гладь тундры. Темно-зеленая с чуть различимыми у горизонта холмами, она простирается далеко-далеко! Тундра — как хороший, но скромный и сдержанный человек. С первого знакомства он не пленяет яркостью и блеском, но каждый проведенный с ним день увеличивает симпатию и расположение. Тундра не однотонна. Она напоминает лоскутное одеяло. На зеленом фоне видны желтые песчаные плешины оголенной земли и бледные буроватые пятна загнившего мха. И всюду вода. Ручейки, струящиеся между кочками. Маленькие, скорее похожие на лужи озера, которые называют пяточками.

Голосами пернатых с утра до вечера заполнена весенняя тундра. В теплых гнездах, устроенных между кочками, они недавно вывели свое потомство и уже скоро большими стаями полетят на юг. Когда снега мало, птицы, например гуси, хитрее, а когда голая земля — совсем хитрые, за травой прячутся, не увидишь, не достанешь. Но любят они плешины у пяточков, там копаются в поисках еды, здесь их и можно добыть.

Для охоты на гусей, лебедей, уток и другой птицы ненцы используют охотничий дробовик. Выбор винтовки — ответственное дело, а для ненцев даже мистическое, чтобы была хорошая, метко стреляющая. Для проверки винтовку зажимают между ног и прикладывают ладонь к выходному отверстию ствола. Потом начинают с силой натирать рукой в этом месте, туда и обратно. Когда ствол накалится, смотрят на ладонь и оставшийся от нее круглый след на металле. «Если после втирания этот круг будет красным, то ружье хорошее, надо его брать, — рассказывает молодой охотник Семен Тайбарей, ссылаясь, как учил его делать Нёлёко. — Это значит, оно все кровью пропитано. Зверей много убило и еще убить может. Если нет, то плохое ружье. Если красное только в середине, то тоже не годится.

И на цвет ладони нужно смотреть: очень хорошее или так себе». Если ненца спросить: «Как твое ружье?», он не скажет никогда, что хорошее, не похвалит. Скажет: «Так, ничего, стреляет, иногда попадает». А если похвалит, то оно испортится, это для ружья плохое, значит, слово сказал. Так же и другой, если ружье похвалит, метко стрелять уже не будет. В этом и опасность, что другой сказать может. Бывает так: хорошо ружье стреляет, метко, да вдруг и перестает попадать. Тогда надо взять его, раскрыть затвор и помочиться в ствол, чтобы вытекло с другого конца. Затем протереть, и оно снова будет стрелять метко. «Отец так делал, — продолжает Семен. — И я так сделаю, если станет плохо стрелять, попадать если не будет».

Но бывает и так, что ружье может стать совсем непригодным. Это когда из него стреляли по ворону — птице-шаману Харнэ. «Ворон здесь редко бывает, а раз прилетел, значит, чего ли будет. Он так просто не прилетает, — говорит Нёлёко. — Он беду чувствует, туда и летит. За ним нельзя гоняться, нельзя убивать и даже стрелять в его сторону. Потом такое ружье можно только выкинуть. Оно уже больше никуда не годится, совсем попадать не будет, испортится».

Во время охоты обычно не курят, чтобы животные не почувствовали по дыму присутствие человека, да и Небесный Старик — Нум Вэсако — не любит дым, мешает он ему, потому что навверх к нему идет. Но от табака при этом не отказываются. Более того, здесь табак большая ценность, а для некоторых возможность для спекуляции и даже для эксплуатации населения. В тундру грубый листовой табак завозят в мешках. Ненцы подсушивают, затем измельчают его. После этого, чтобы не сыпался, в табак добавляют золу и немного жидкости, лучше всего спирта. Получается темно-коричневая, похожая на влажную землю масса. Положенный за губу, этот табак производит разительное действие. Мой проводник зимой говорил: «Как возьмешь табак, сразу становится тепло». Так и Нум не сердится, и животные не чувствуют приближение охотника.

КОГДА СОЛНЦЕ ПОЛНОСТЬЮ
ВЫХОДИТ ИЗ-ЗА ГОРИЗОНТА,
ЗНАЧИТ, НАСТУПИЛА ВЕСНА

▲
ВЕСНА В ТУНДРЕ —
ВРЕМЯ ОХОТЫ НА ДИЧЬ

СЕМЕН ТАЙБАРЕЙ СО СВОДНЫМ БРАТОМ НИКОЛАЕМ ВЫЛКО
В ПОЛНОМ ОХОТНИЧЬЕМ СНАРЯЖЕНИИ ИДЕТ ПО ЛУЖАМ РАСТАЯВШЕГО СНЕГА

ОСТАНАВЛИВАЮТСЯ У СТАРОГО ЧУМОВИЩА У МЫСА КОСТЯНОЙ
С РАЗБРОСАННЫМИ ТУТ И ТАМ ОЛЕНЬИМИ РОГАМИ

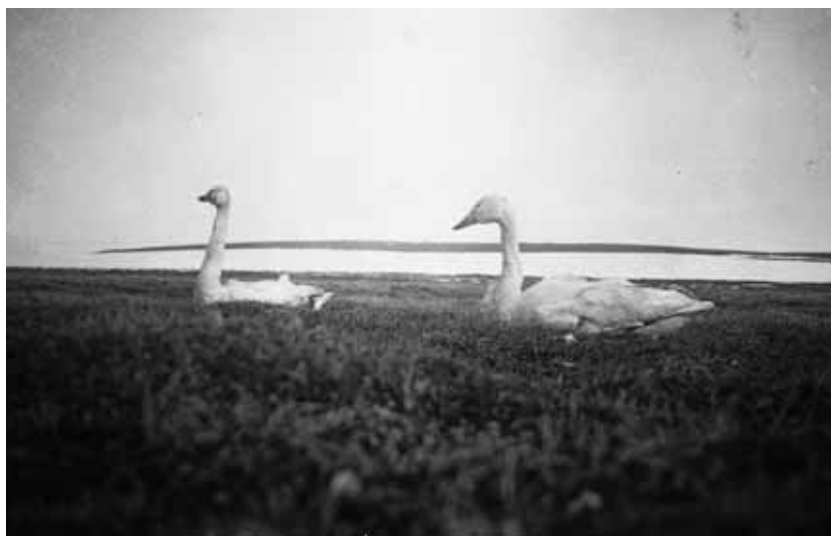

ВОТ ЗДЕСЬ, У ВОДЫ, ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ

НУЖНО ПРАВИЛЬНО ВЫБРАТЬ УКРЫТИЕ

ОДИН ИЗ ОХОТНИКОВ
УВИДЕЛ ДОБЫЧУ

▲
ЭТО ПАРА МАЛЫХ
ТУНДРОВЫХ ЛЕБЕДЕЙ

ПРИЦЕЛ...

...И ДВА МЕТКИХ ВЫСТРЕЛА

ТЕПЕРЬ МОЖНО
ЗАБИТЬ В ТРУБКУ
ТАБАК

ОХ И ТЯЖЕЛАЯ
ДОБЫЧА!

МАКСИМ СИНИЦЫН
РАЗДЕЛЯЕТ РАДОСТЬ МОЛОДЫХ ОХОТНИКОВ

ТРИ МЕДВЕДЯ-ЛЮДОЕДА

Летом в тундре преобладает пасмурная погода, часты туманы и холодные, мелкие, пробирающие до костей дожди. Но в ясные дни, когда светит нежаркое северное солнце, когда видна бледная голубизна неба, пронизанная перистыми облаками, редкими и легкими, точно серебристые прожилки в мраморе, а вся залитая светом земля переливается своими нежными тонами — в такие дни тундра прекрасна. Кажется, будто всю красоту, какую природа равномерно, в малых дозах дает людям в средней полосе, она сконцентрировала и сразу изливает здесь в огромных, непостижимых размерах.

Лето бывает для животных тундры сытным, в другой год — голодным. Тогда к лицам людей могут подойти белые медведи в поисках пищи, как это случилось в конце августа 1948 года, вскоре после моего прибытия на Вайгач. Многие ненцы верят, что на человека, имеющего на поясе нечетное количество вырванных с корнем клыков белого медведя — *хэбидя тибе*, медведь не нападает. «Почему только нечетное число?» — спросил я. «У медведя — два клыка, у двух медведей — четыре, у трех — шесть, — объяснили мне. — Нельзя, чтобы человек носил столько же клыков, сколько у медведя. И если будет так, медведь рассердится. Он подумает: “О, этот имеет столько же тибе, как и я. Он верно со мной силы одинаковой. Меня вызывает. Со мной сразиться хочет”. Рассердится и придет к человеку. Жестоко накажет его, отомстит, чтоб не брал себе смелости носить столько *тибе*, сколько сам он — медведь — носит». Поэтому чаще всего имеют на поясе три клыка, но может быть и пять, и семь, и один. Кто много ходит, за оленями бегает, оставляет один, чтобы легче было, а другой — богатый *тэтты* (оленовод), кто сам даже упряжку себе не ловит, тот уж все семь носит — священное число. Детям тоже прикрепляют по семь клыков как оберег.

Нельзя плохо говорить о медведе и его след «изрубать» — острое втыкать. Ненцы так не делают, поэтому медведь их не трогает, а русские его сердят. Медведь разозлится и придет, если какой человек будет ему челюсть или нос «рубить», то есть дробить имеющийся у него медвежий череп. Он кость ломает, а у живого зверя «кровь из клыка идет». Иной молодой охотник, чтобы вызвать медведя, специально так делает, чтобы на смертный бой зверя вызвать. Говорит при этом: «Если ты успеешь — убьешь меня, если я успею — убью тебя». Так его злит, а медведь знает, чувствует. Еще «коготь переворачивают», когда хотят встретиться. След в тундре находят и подцепляют чем-то отпечаток когтя. Медведь из-за одного когтя сильно злиться не будет, но поугагать придет, чтобы боялись. «Как же вы носите медвежьи клыки на поясе? — спросил я. — Когда достаете, рубите же?» — «Это что, ничего, не назло же. Все можно из клыка делать, но добром». И когда я позже узнавал, не мстит ли медведь убившему его охотнику, мне с удивлением отвечали: «Вот чудак! На то и зверь, чтобы его убивать. Только надо предупредить медведя. Непростой он зверь».

Рассказывают. Шли по лесу два пастуха. Видят, берлога <бурого медведя> оленями разворочена. Один остановился, смотрит. Другой кричит нетерпеливо: «Какого черта там увидел?!» Услышал медведь, вышел и одним ударом лапы волосы с того снял вместе с кожей. Чуть живого его товарища домой на себе притащил. После все время тряпку мокрую на голове держал тот человек. Как высохнет — кричит. Так и жил до конца дней своих с мокрой тряпкой на голове. А все оттого, что непочтительно о медведе отозвался, чертом его назвал.

И еще такая история. Ребята играли в стороне от чумов. Вдруг белый медведь идет. Постарше которые — убежали, а самый маленький не смог. Подошел к нему медведь, облизал лицо, как жалеет. Не тронул. (Бурый бы съел, а этот, видишь, умный какой — жалеет.) А в чум пришел и у его матери жилу из руки вытянул. Почему? Наверно, сказала о нем раньше что ли плохое. Вот он и шел наказывать, а ребенка пожалел. Мать его умерла потом.

Особенно много запретов, связанных с женщинами. Дети и женщины называют медведя *тарпук*, мужчины так не говорят. Женщина не должна не то что касаться, близко подходить к медведю, особенно спереди. Если сядет на убитого, то живой почувствует, как будто это на его спине сидят, придет, накажет, а то и разорвет. Только мужчина может

снимать шкуру с медведя. Нарезет, мясо в котел покидает, а там уже женщина варит. Есть могут все, но обязательно ножом, потому что медведь и сам мясо рвет. Если нет под рукой ножа, то хоть палку какую берут и из нее нож делают.

Говорят. Как-то вышел медведь к чуму. В нем женщина одна. Людей никого не было кругом. Она его и убила из ружья. Он лежит, а та не знает, что делать. Шкуру-то снимать женщинам нельзя. Пришел один мужчина. Думал: «Люди, здесь есть кто?» В чум зашел, а она его и попросила. Помог, снял шкуру, мясо нарезал. Когда его жена об этом узнала, стала упрекать: «Это ты сам убил и ей отдал за то, что она пускает тебя под *паныцу* свою». Он возражает. Тогда жена говорит: «Если я не права, пусть сам придет». Пришел, все поломал, чум разрушил.

НАДРЫВНО ЗАЛАЯЛИ СОБАКИ:
К ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ ПОДОШЛИ ТРИ ГОЛОДНЫХ БЕЛЫХ МЕДВЕДЯ
И ЧУТЬ НЕ ЗАДРАЛИ МЕХАНИКА

НЁЛЁКО БЫСТРО ВСКИНУЛ РУЖЬЕ...

...И СВАЛИЛ НАПОВАЛ САМОГО КРУПНОГО

ДРУГИМИ ЗАНЯЛИСЬ СОТРУДНИКИ СТАНЦИИ

ВОТ ЭТО ЛАПИЦА!

ПОСМОТРЕТЬ НА МЕДВЕДЕЙ ПРИШЛИ ВСЕ

ТУТ ЖЕ НАЧАЛАСЬ РАЗДЕЛКА ТУШ

ПРЕЖДЕ ВСЕГО НУЖНО АККУРАТНО СНЯТЬ ШКУРУ...

...ЧТОБЫ НЕ ПОВРЕДИТЬ ЦЕННЫЙ МЕХ

▲
НЁЛЁКО ВЗЯЛ СВОЮ
ДОЛЮ ИЗ ДОБЫЧИ

ЧТОБЫ ДУША ЗВЕРЯ
УСПОКОИЛАСЬ И ВЕРНУЛАСЬ
В ТУНДРУ, НУЖНО
СОВЕРШИТЬ МОЛЕНИЕ

ШКУРЫ РАСТЯНУЛИ НА СТЕНЕ

ПОД СОЛНЕЧНЫМИ ЛУЧАМИ
С НИХ СОЙДЕТ ЖЕЛТИЗНА, И ОНИ СТАНУТ БЕЛЫМИ

ЗИМНЯЯ ОХОТА НА НЕРПУ

Звенели под полозьями упругие синие снега. В черном небе спокойно мигали яркие звезды. В такую тихую ясную морозную погоду в небе часто вдруг загоралась лента слабого бледного света. Он был каким-то особым. Холодный, чуть зеленоватого, фосфорического оттенка, в то же время живой, играющий, подвижный. Эта светящаяся полоса кажется огромной, необыкновенной легкой вуалью, сборками прозрачного занавеса между звездами и землей. Занавес живет: он трепещет, колышется, меняется на глазах, то затухая, то загораясь в разных частях неба. Запрокинешь голову, взглядишься в полярное сияние — и оторваться трудно. Оно словно притягивает.

Ненцы говорят, что лед, медведи и нерпа приходят с осенним западным ветром: «Льда нет — зверя нет». Много раз был свидетелем тому, как нерпа погоду чувствует. Перед большой волной уходит далеко от берега. Бывает, всплывет, ляжет на воде брюхом вверх и носик еще так вытянет треугольничком, значит, скоро ждать пурги с сильным ветром.

Лучшая охота на нерпу весной и осенью, когда она греется на припае, а бывает, и на плавающих льдах. Но и зимой на нее тоже охотятся.

Начиная с февраля и до самой весны мясо и все внутренности самцов нерпы плохо пахнут. Так и называют — *ярдэ няк*, то есть «вонючая нерпа». Запах такой, что у кого «сердце слабое», все назад выйдет. Такое мясо есть нельзя, оно пригодно только для собак, а жир вытапливают и сдают в факторию на мыло. Но во время зимней охоты как узнаешь: самка или самец?

Раньше, собираясь на охоту, ненцы всегда использовали заградительный щиток с натянутым на него белым материалом, завес для нарты и надевали специальную рубаху с белым капюшоном. Это чтобы нерпа не заметила на снегу охотника, укрывшегося за ними.

Есть щитки сплошные и с отверстием для ружья. Бывалые охотники считают, что с отверстием хуже, потому что чернеет на белом снегу. Сейчас так почти не охотятся.

Вот идешь по льду, видишь: вздут он, как сопка, значит, близко уже. Это нерпа лунки дует — *няк янгэси*. Так дует, что лед тонкий становится. Как увидел — *хорей* в снег, собак привязал, нарты оставил. Обстругаешь две палочки и на них натягиваешь белую ткань, сейчас обычное вафельное полотенце используют. Втыкаешь палочки в снег перед полозьями нарты, вот и готов завес. А сам прячешься за щитком, совсем сливаясь с общим фоном.

Нерпа любопытная. Все ей надо знать, все видеть, потому и попадается. Иной раз летом совсем близко подплывет, чтобы посмотреть. Но в зимнее время она осторожная и пугливая, поэтому нужно следить, чтобы тень от нарты или щитка не упала. Увидит нерпа, и бултых в воду. Так можно провести много часов в ожидании. Но вот она — голову высунула из воды или лежит на снегу. Крадешься. Как поднимет голову, так за щиток прячешься или за торос. Останавливаешься. Успокоится, снова крадешься. Такая своего рода игра получается. Потеряет бдительность нерпа, тут ее и бьешь.

ПОДГОТОВКА К ОХОТЕ НА НЕРПУ НА ПРИПАЕ БЕРЕГОВОГО ЛЬДА
ТРЕБУЕТ ИЗГОТОВЛЕНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПРИСПОСОБЛЕНИЙ

СЕМЕН ТАЙБАРЕЙ ВЫТАЧИВАЕТ ДУГУ ДЛЯ ЗАГРАДИТЕЛЬНОГО ЩИТКА —
ВАЖНОЙ ДЕТАЛИ ДЛЯ УДАЧНОЙ ОХОТЫ

ЩИТОК ГОТОВ, ОСТАЛОСЬ
ТОЛЬКО ОБЯНУТЬ ЕГО БЕЛЫМ МАТЕРИАЛОМ...

...И НАКОРМИТЬ СОБАК ПЕРЕД ДОРОГОЙ

ПОЕХАЛИ!

ЧЕРЕЗ ТУНДРУ К МОРЮ ▲

НУЖНО ВЫЖДАТЬ, ПОКА ПУГЛИВАЯ НЕРПА
НЕ ВЫСУНЕТ ГОЛОВУ ДЛЯ ГЛОТКА ВОЗДУХА

ЗВЕРЬ НЕ РАСПОЗНАЕТ СПРЯТАВШЕГОСЯ ЗА ЩИТКОМ
ОХОТНИКА В БЕЛОЙ, ПОД СНЕГ, ШАПОЧКЕ

И ВОТ НЕРПА УЖЕ НА ЛЬДУ

НЁЛЁКО, МАРЬЯ И ЭНЭСЬКО С ДОБЫЧЕЙ

ПРОМЫСЕЛ МОРСКОГО ЗВЕРЯ

Когда лед уходит, и нерпа отплывает далеко от берега. Только с лодки можно достать морского зверя. Традиционную лодку — *ниано* — ненцы делают очень хорошо, получается лучше, чем заводские, даже на крутой волне не переворачивается. Перед промыслом ее обязательно тщательно смолят. Раньше смолу завозили, теперь обычно сами изготавливают, у коми переняли. Топят на основе нерпичьего жира и растворенного в нем пека. Густой и вязкий — для лодки, пожиже — на пропитку подошв обуви — *пимов*.

Нерпа, как и морской заяц, не может долго находиться под водой. То и дело на слегка колеблемой ветерком глади моря появляется лоснящаяся голова зверя. Она показывается, только чтобы вдохнуть воздух. Но этого достаточно: мгновенно поднято к плечу ружье, звук негромкого выстрела — и на волнах, точно мешок, колышется тело нерпы.

Охотник быстро скатывается с обрыва. На прибрежной гальке уже лежит небольшая лодка, иногда с полозьями, чтобы зимой было легче таскать ее по снегу морского припая. Он легко спускает лодку на воду, гребет к нерпе и, зацепив острым крючком — *няк вадэ*, буксирует тушу к берегу. Вытащив на гальку лодку и добычу, охотник взбирается на прежнее место и снова зорко всматривается в воду. Бывает, не успеешь, а зверь уже ко дну пошел. Тогда *малицы* не жалеешь, прямо в воду прыгаешь, чтобы крючком достать, если неглубоко. С помощником, конечно, проще: один стреляет, другой подтаскивает с лодки к берегу.

Морж — редкий гость в этих краях, но попадается. К нему отношение особое, как к медведю, и черепа у них похожи. Злить моржа не надо — сразу не придет, как медведь, так как по земле ходить не может, а вот только спустишь на воду лодку, тотчас опрокинет. Моржа не зовут. Ненцы говорят: «Как позовешь — позовешь саму смерть». Его не

видишь, как медведя, когда можно подготовиться, что-то предпринять. Морж сам покажется и первым нападет, клыком ударит.

До сих пор после охоты на моржа ненцы его глаза на берегу оставляют, направляя их в сторону моря. А у морского зайца — лахтака — так и всю усатую голову. Обращаются с благодарностью за удачную охоту к Ид'ерву Вэсако — Морскому Старику, хозяину всего, что есть в море, ведь он зверя посылает. Говорят слова и самому зверю: «Оденься в новую шкуру и снова приходи». Нерпе так не делают, ничего не оставляют. Большая удача, когда моржа или морского зайца добыл, но настоящее счастье, это когда подойдет близко косяк огромных зубатых китов — белух.

Интересно разделяют нерпу. Сперва снимают шкуру вместе с подкожным жиром. Потом начинают осторожно отделять от нее сало. Этот процесс называется бритьем. Перетопленное нерпичье сало обладает хорошими целебными свойствами. При разделке морского зайца поступают необычно. С вытянутого веретенообразного тела шкуру срезают кружками. Вдоль туши не делают ни одного разреза. Снимают шкуру от головы до передних ласт, затем от них до задних ласт. Получаются две большие трубки. После «бритья» их осторожно режут спиралью. Трубка все укорачивается, и от нее, словно от катушки, отделяется узкий ремень. Из одной шкуры выходит много метров очень ценного лахтачьего ремня — *нгартини*. Вся упряжь оленей сделана из него.

ПЕРЕД ВЫХОДОМ В МОРЕ
СЕМЕН ТАЙБАРЕЙ СМОЛИТ СТАРУЮ ЛОДКУ

ПОДТАЯВШИЙ СНЕГ ПРИЛИПАЕТ К ПОЛОЗЬЯМ,
И СОБАКИ С УСИЛИЕМ ТЯНУТ НАРТУ С ПОГРУЖЕННОЙ ЛОДКОЙ

А ВОТ И МЫС, ГДЕ НЕДАВНО ВИДЕЛИ
МНОГО ЛАХТАКОВ — МОРСКИХ ЗАЙЦЕВ

ЛОДКУ НУЖНО
ПОДТАЩИТЬ
К БЕРЕГУ...

...И СПУСТИТЬ
НА ВОДУ

СЕМЕН ПОДАЕТ ЗНАК И ЗАМИРАЕТ,
ЧТОБЫ НЕ СПУГНУТЬ ЗВЕРЯ

ДОБЫТОГО МОРСКОГО ЗАЙЦА
ПОДТЯГИВАЮТ БАГРОМ К ЛОДКЕ, А ПОТОМ — К БЕРЕГУ

ОХОТНИК
КИРИЛЛ
КОЛОСОВ
НА ГЛАЗ
ОПРЕДЕЛЯЕТ
ВЕС —
НЕ МЕНЬШЕ
280 КГ

У НЁЛЁКО
НА СЧЕТУ
ОЧЕРЕДНОЙ
ЗУБАТЫЙ
КИТ —
БЕЛУХА

ДЛЯ РАЗДЕЛКИ ТУШИ
ПОТРЕБУЕТСЯ ОСТРЫЙ ТОПОР

ШКУРУ КИТА НЁЛЁКО
РАСКЛАДЫВАЕТ ПО ВСЕЙ ДЛИНЕ...

...И «БРЕЕТ» НА НАРТЕ НОЖОМ,
ОСВОБОЖДАЯ ОТ ОСТАТКОВ ЖИРА

ЧТОБЫ ШКУРА БЫЛА ТОНКОЙ, МАРЬЯ ВЫЛКО
ОБРАБАТЫВАЕТ ЕЕ СПЕЦИАЛЬНЫМ СКРЕБКОМ В ВИДЕ ПАЛКИ
С ВСТАВЛЕННЫМ ПОСЕРЕДИНЕ ЛЕЗВИЕМ

ЖИР – СВЕТ, ТЕПЛО И ПИЩА

Под шкурой нерп и морских зайцев находится толстый слой сала, он составляет около половины веса животного. Шерсть у морских зверей редкая, короткая, и этот слой сала защищает их от холода. Охота на них производится ради шкуры и сала. Они имеют большое значение для местного населения и используются в промышленности. За бочками заготовленного за сезон сала из фактории приходят баркасы.

Жир вытапливают и из рыбьих потрохов. Этим занимаются женщины, не участвующие в промысле. Под вечер они приходят на факторию. Здесь они занимаются обработкой и посолкой рыбы. Возвращаясь домой, хозяйки берут с собой внутренности. В чуме это месиво из внутренностей вымачивают в котле с водой, затем осторожно подсушивают на сковородке, чтобы с них испарились остатки воды. Потом разводят большой огонь и на горячей сковородке вытапливают жир, бережно сливая в баночки чуть желтоватую драгоценную жидкость. Надо перетопить бесчисленное множество кишечников мелких сиговых рыб, чтобы набрать банку такого жира.

Печка для тундровых ненцев является главной ценностью. Ее очень берегут, поэтому в чумах нередко, как в старые времена, используют очаг, как жена нашего «начальника стада», проводника Сисю Яптика. Нам сразу бросилось в глаза, что вместо железной печки здесь простой очаг — овальный лист железа, положенный на два толстых полена. А шесты и мездра покрывшек чума черные, будто насквозь пропитанные копотью. Особенно шесты — они даже блестели, словно были покрыты лаком.

Жена Сисю сложила на очаге небольшую пирамидку из щепок и тонких веток тундрового кустарника. Затем она поднесла спичку к витку бересты — он вспыхнул ярким пламенем. Однако ветки не загорелись. Затухая, они лишь тлели, словно папиросы.

Тогда женщина склонилась над очагом; она почти вплотную поднесла губы к веткам и стала изо всех сил дуть на них. Чум наполнился едким дымом. Мы закашлялись, с ожесточением терли глаза и собирались выскочить наружу. И, уже не видя лица женщины, мы только слышали, как она дует, все дует и дует на очаг.

Скоро затрещал костер. Языки пламени дружно устремились к верхнему отверстию чума; появившаяся тяга постепенно унесла дым. Мы спросили у Сисю, почему нет железной печки, а его сын Папули перевел: «Печка-то есть. С печкой очень хорошо: не дымно и тепло, глаза не болят. Раньше слепли женщины, болезни разные получали. Мы сильно бережем печку, боимся, прогорит. Зимой-то она нужнее».

МАРЬЯ ВЫТАПЛИВАЕТ ЖИР В ЧУМАНЕ —
ШАЛАШЕ, ЗАЩИЩАЮЩЕМ ОТ ВЕТРА

ТЕПЛЫЙ ЖИР С ПОМОЩЬЮ КОНСЕРВНОЙ БАНКИ
ПЕРЕЛИВАЕТСЯ В МАЛЕНЬКУЮ ДЕРЕВЯННУЮ БОЧКУ

ПОКА ЖИР НЕ ЗАСТЫЛ,
ЕГО ВЫНОСЯТ НАРУЖУ...

...И ПЕРЕЛИВАЮТ В БОЛЬШУЮ
МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ БОЧКУ

НА ПРИСТАНИ УЖЕ СКОПИЛОСЬ
МНОГО ТАКИХ БОЧЕК...

...И МЕШКОВ СО ШКУРАМИ,
ОЖИДАЮЩИХ ОТПРАВКИ В ФАКТОРИЮ

▲
ЧТОБЫ СОБАКИ НЕ МЕШАЛИ,
ИМ КИНУЛИ ГОЛОВУ ГУСЯ

НАЧИНАЕТСЯ
ПОГРУЗКА

БОЧКИ С ЖИРОМ УКЛАДЫВАЮТ НА ДНО БАРКАСА

ТЕПЕРЬ ВЕЗДЕ БУДЕТ СВЕТ И ТЕПЛО

ГУБА ДОЛГАЯ

На Севере люди в полной мере, не таясь, выкладывают нутро свое, ибо там некого стесняться, не за кем следовать, не с кого брать хороший или дурной пример. Там нет неприличного, там все прилично, ибо нет кругом никого, нет людей, которых можно стесняться. Там никто не осудит, никто не остановит. Натура человека проявляется здесь во всей своей обнаженности, без всякого покрывала приличия, стеснения или страха. В Арктике человек может довести себя (именно «довести», а не «дойти») до скотского состояния. Все зависит от него, от того, как он будет держать себя в руках.

В первую очередь это склонность к пьянству — как среди русского населения, так и среди коренного. Ненцев когда-то специально приучали, просто спаивали. Так и привыкли. И дети тоже пьют, раз взрослые любят. Причем предпочитают неразбавленный спирт. Как объяснял мне один ямальский ненец, совсем молодой человек, «когда выпьешь водку, то сперва будет горячо в груди, а затем постепенно поднимается в голову. Когда же выпьешь спирт, то сразу в голову тебе ударит, и так хорошо будет, все забудешь». Так и передается из поколения в поколение. А где пьянство, там и разврат, причем полный, которого и не ожидаешь увидеть.

Случай был на станции Тикси в 1945—1946 годах, который наделал много шума. Даже послали в район жалобу с требованием расследовать это дело и принять меры. В последний год зимовки незадолго до отъезда два женатых человека обменялись женами. Не сговаривались, а просто их жены сами сжились с чужими мужьями. Вначале тайком, а затем совершенно открыто жить перешли в другие комнаты. Так и считались мужем и женой, но в новом составе пары. Но через два месяца женщины снова вернулись к своим бывшим мужьям. Одна из них не выдержала этого и сошла с ума. В тот же период на

другой станции Тиксинского района один человек на месяц уступил свою жену другому за 5000 рублей, а иной и не торговался, а просто отдал свою жену насовсем за 20 000 и уехал.

Примеры оказались заразительными, и вот что-то подобное в других местах стало происходить: в Тамбее, Хабарово, Долгой. Не считая обычного разврата, могли жену и на кон в карты поставить, если уже больше нечего. Мне говорили на Вайгаче, что ненки раньше не гуляли, это якобы русские, советская власть научила. Теперь *паныцу* свою сами предлагают на одну ночь. Есть обычай такой, когда девушка избраннику шубу дает, чтобы показать расположение к нему. По всему Северу рассказывают историю, произошедшую недавно на острове Врангеля. Отбыл после зимовки один метеоролог, на смену приехал другой, не будем называть имен. Приходит к нему чукчанка (или эскимоска) и говорит: «Он спал со мной, и ты спи со мной». А тот только несколько месяцев назад женился, жена беременная, не знает, что и сказать. Та ему: «Твоя баба плохой. Твоя баба ребенка носит. У нее брюхо большое. С ней спать плохо. Бери меня». Он отказался, а она обиделась, думала, что ему плохо, хотела помочь, лучше сделать. Вот она — истинная, глубокая наивная непосредственность, в чем-то даже первобытная.

СТАНОВИЩЕ ДОЛГАЯ НАПРОТИВ КАРСКИХ ВОРОТ,
ОТДЕЛЯЮЩИХ ВАЙГАЧ ОТ НОВОЙ ЗЕМЛИ,
СЧИТАЕТСЯ ЦИВИЛИЗАЦИЕЙ

ЗДЕСЬ ЖИВЕТ НЕСКОЛЬКО РУССКИХ СЕМЕЙ

ДВЕРИ ВСЕГДА ОТКРЫТЫ

ЗДЕСЬ ВСЕ НЕПРИВЫЧНО

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ ВЫШИВАЮТ
РАЗНОЦВЕТНЫМИ НИТКАМИ, А НЕ ОЛЕНЬИМ ВОЛОСОМ

МАЛЯКО ТАЙБАРЕЙ ВСТРЕЧАЕТ
СТАРОГО ЗНАКОМОГО — ИОНУ ЛЕДКОВА

ДЕТЯМ ТОЖЕ НУЖНО
УМЕТЬ ЗДОРОВАТЬСЯ ПО-РУССКИ

САМЫЙ БОЛЬШОЙ ДОМ
С КРЫШЕЙ НАД КРЫЛЬЦОМ — ЭТО БОЛЬНИЦА.
АСЬКА УЖЕ ТАМ, СТОИТ В ДВЕРЯХ

ФЕЛЬДШЕР ЧЕБЫНИН ВНИМАТЕЛЬНО
ПРИСЛУШИВАЕТСЯ К ДЫХАНИЮ: НИЧЕГО СТРАШНОГО, ЛЕГКАЯ ПРОСТУДА,
ПЕЙТЕ ТРИЖДЫ В ДЕНЬ НАСТОЙ ТУНДРОВОГО МХА

НА ОКРАИНЕ СТОИТ ИЗБУШКА
ОДИНОКОЙ ЖЕНЩИНЫ ЕКАТЕРИНЫ С ЧЕТЫРЬМА ДЕТЬМИ

ЕЙ ВСЕ ПОМОГАЮТ...

...ВЕДЬ ХОДИТЬ
ЗА ВОДОЙ
ДО БЛИЖАЙШЕЙ
ПРОРУБИ ДАЛЕКО

БЕЗ ВЗАИМОВЫРУЧКИ
НЕ ПРИЖИТЬСЯ ЧЕЛОВЕКУ НА СЕВЕРЕ

ДЕТИ ТУНДРЫ И ВЕТРА

Раньше ненцы новорожденных детей выносили из чума и в снегу валяли: «Чтоб к холоду привык, к нужде и в работе терпеливым был». Имена дают не сразу, а через некоторое время, когда проявится характер или какая-либо отличительная черта. Младшего сына часто так и называли Нюди — Младший. Это имя встречается в сказках. Если ждали мальчика, а родилась девочка — Нганико; родившегося вскоре после смерти брата или сестры — Такути. Тяляпэ — от «тяп-тяп» («баю-бай») — это когда сестра за ребенком смотрит, качает. А то могли и Пулеметом прозвать — кто-то из русских сказал: «Трещит как пулемет», — словечко и понравилось. Интересное происхождение прозвища Сабу — Раздутый. Так могли назвать, если стал *сабу*. Нёлёко так рассказывал об этом: «Сидел парень в чужом чуме, в гостях. Руки за пазуху убрал. Других слушает, а сам-то под *малицей* руками работает — в штаны. Были у него оленьи штаны на голом теле. Так он в них утягивает и тащит, что лежит. Там укрывает ремень заячий (дорогой, лахтачий). Так сидит себе и тянет, как ни в чем не бывало, в штаны. Чтобы встать, уйти и унести можно было, и никто бы не заметил. Ну, заметили это: что-то ремень заячий ползет туда. Увидели, и к нему. Подняли *малицу*, а штаны толстые стали от набитого в них ремня, большие. Вот и стали его звать Сабу — и детей его так зовут, не по фамилии, а Сабу. Сабу — это как мячик: взять надуть, вот *сабу* и будет — “раздутый”, “надутый”. У нас говорят: не воруй, а проси десять раз».

Ненецкие дети опасаются русских, потому что их с детства пугают: «Придет русский и съест». Так говорят, чтобы боялись, слушались старших. Теперь немного привыкают, но в интернат ехать не хотят, да и родители не пускают, чтобы тундру и родной язык не забыли. «Нгоковна теневан, тянёвна хонюдан» — «Кто много знает, тот мало спит». Или другая

поговорка: «Кто много думает, тот скоро старится, а кто мало думает, живет долго и много женщин имеет». В таком отношении ненцев к учебе виноваты и сами воспитатели, что разделяют детей по национальности. Могут сгоряча сказать: «Ненцы не люди — собаки! Идите вы к своим вшам назад! Чего вам в школе делать?» Так формируется отрицательное отношение.

«Что, разве без книг люди глупые?! — спрашивает меня Нёлёко и сам отвечает. — Книги что — ерунда, пустяки. Кому делать нечего, тот в книги смотрит. Нум не любит книги. Зачем школы? Мы не просили! Они нам не нужны. Да, русские — все в бумажках. С бумажками занимаются, в бумажках и умы. А ненцы руками, — вытянул, показал свою руку, полюбовался на нее, — руками думают. Думают, как бы что руками сделать. Руками живут».

НАЧИНАЯ С 1930-Х ГОДОВ ПО ВСЕМУ СЕВЕРУ ПОЯВЛЯЮТСЯ ШКОЛЫ-ИНТЕРНАТЫ
ДЛЯ ДЕТЕЙ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ, КАК В НЫНЕ НЕ СУЩЕСТВУЮЩЕМ ПОСЕЛКЕ ХАБАРОВО
НА ЮГОРСКОМ ШАРЕ, ОТДЕЛЯЮЩЕМ ВАЙГАЧ ОТ БОЛЬШОЙ ЗЕМЛИ

В ИНТЕРНАТЫ СОБИРАЮТ ДЕТЕЙ ОЛЕНЕВОДОВ И ОХОТНИКОВ,
НЕСМОТЯ НА ПРОТЕСТЫ РОДИТЕЛЕЙ,
ВЕДЬ ИХ ДЕТИ ЛИШАЮТСЯ ТРАДИЦИОННЫХ НАВЫКОВ

ПОСТЕПЕННО ОНИ ПРИВЫКАЮТ
К НОВОЙ ЖИЗНИ
И НАЧИНАЮТ ЗАБЫВАТЬ РОДНОЙ ЯЗЫК

ИХ ВОСПИТАНИЕМ В ДУХЕ КОММУНЫ ЗАНИМАЮТСЯ УЧИТЕЛЯ, И ХОРОШО,
КОГДА ОНИ ИЗ ЧИСЛА КОРЕННЫХ ЖИТЕЛЕЙ, КАК В ДОЛГОЙ

СТАРШИЕ, ОСТАВШИЕСЯ В ТУНДРЕ, НАВЕЩАЮТ МЛАДШИХ

ВСЕ В СБОРЕ, И МАКСИМ СИНИЦЫН С НИМИ

РУССКИЕ ДЕТИ
НОСЯТ ЗИМОЙ
ТУ ЖЕ ОДЕЖДУ,
ЧТО И НЕНЕЦКИЕ, —
МАЛИЦЫ

КОГДА НЕ ТАК
ХОЛОДНО,
ЕСТЬ ПАЛЬГО
И ВЯЗАНЫЕ
ШАПОЧКИ

В ТУНДРЕ ВСЕ РАВНО ХОЛОДНО БЕЗ МАЛИЦЫ

ВОТ ТАКУЮ РЫБИНУ ПОЙМАЛИ!

БЕЗ СОБАК НА СЕВЕРЕ НЕ ОБОЙТИСЬ

В ТУНДРЕ СОБАКА — ЗАЩИТНИК, ПОМОЩНИК И ДРУГ

КОГДА СХОДИТ СНЕГ,
МАЛИЦЫ МОЖНО
СНЯТЬ И ПРОСУШИТЬ

▲
ЛЕТО НА ВАЙГАЧЕ
КОРОТКОЕ, НО БЫВАЕТ
ОЧЕНЬ ТЕПЛО

ПОЛЯРНАЯ СТАНЦИЯ «ВАЙГАЧ»

В 1666 году стрелец Федька Мартемьянов по прозвищу Шадра привез в Пустозерский острог «отыскную руду» и сообщил воеводе Василию Дикову, что «дал де ему ту руду в Югорскому Шару, на Вайгаче, тундряной самоядин роду Тысыня Хавлай». С того времени на остров по указу «руды той отыскать пудов пять или шесть и места описать» многократно отправлялись поисковые отряды, набранные из числа крестьян и служилых людей.

Только в 1921 году экспедиция Н.А. Кулика окончательно подтвердила наличие на Вайгаче больших запасов меди, свинца и цинка. Через десять лет в бухту Варнек прибыла Вайгачская экспедиция под начальством сотрудника ОГПУ Ф.И. Эйхманса и геолога П.В. Виттенбурга.

Для разработки месторождений и строительства шахт этапом через Воркуту в перевалочный пункт Хабарово на Югорском Шаре были направлены специалисты из числа заключенных для дальнейшего следования в лагерь особого назначения «Вайгач». Промышленная добыча металла началась в 1934 году. Из-за тяжелых условий труда и холодного климата смертность была очень высока, а в 1938 году шахты затопило водой. Разработку остановили, а выживших заключенных вывезли в Воркуту. Многие из них погибли в дороге. Дальнейшие изыскания на острове остановила война.

В 1942 году на архипелаге Новая Земля, отделенном от Вайгача проливом Карские Ворота, была основана военная база и аэродром. Навигация в этом районе из-за штормовых ветров была сложной. Возникла необходимость в точных метеорологических наблюдениях, что и выполняла полярная станция «Вайгач», открытая на северной оконечности острова еще в 1914 году. Весь этот район обрел статус секретности, в том числе географические карты.

Станция состояла из нескольких еще дореволюционных строений, а ее работники занимались отслеживанием изменений климата и передачей сводки и прогноза погоды на большую землю.

Просуществовав 35 лет и выработав ресурс, полярная станция «Вайгач» была закрыта в декабре 1949 года. Специалисты направлены для работы на другие станции на островах Белый и Диксон.

ЗДАНИЕ МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКОЙ МАСТЕРСКОЙ И ВЕТРЯК

СЛЕВА ОТ МАСТЕРСКОЙ — СКЛАД,
ГДЕ РАЗВЕСИЛИ ДЛЯ ОТБЕЛИВАНИЯ МЕДВЕЖЬИ ШКУРЫ,
А ЗА НИМ — БАНЯ.

ДОМ ДЛЯ ПРОВЕДЕНИЯ НАБЛЮДЕНИЙ ЗА ПОГОДОЙ,
ПОСТРОЕННЫЙ В 1914 ГОДУ, КОГДА СТАНЦИЯ ОТКРЫЛАСЬ

У ВХОДА ВСЕГДА КРУТЯТСЯ СОБАКИ,
НО ВЛАДИМИР БЕРЗИН НЕ ОБРАЩАЕТ
ВНИМАНИЯ, ОН ВЫШЕЛ ПОКУРИТЬ

МЛАДШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК
МАКСИМ СИНИЦЫН
ПРИНЦИПИАЛЬНО НЕ КУРИТ

ВЫШКА ВЕТРЯНОГО ДВИГАТЕЛЯ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩЕГО
НАДЕЖНУЮ РАБОТУ ИЗМЕРИТЕЛЬНЫХ ПРИБОРОВ

В СЕНТЯБРЕ 1949 ГОДА НЕ ВЫШЕЛ НА СВЯЗЬ ЭКИПАЖ Э. АДАМОВА,
И НА ПОИСКИ ЭКСПЕДИЦИИ ОТПРАВЛЕН САМОЛЕТ

НЕ ЧАСТО УВИДИШЬ ТАКОЕ ДИВО
В ЭТИХ МЕСТАХ

ПОЛЯРНЫЙ ЛЕТЧИК ТОВ. СИТНИКОВ
СПЕШИТ НА ПОМОЩЬ

НА СТАНЦИИ
ЕСТЬ ДОМАШНИЕ
ЖИВОТНЫЕ —
ПОРОСЕНОК И БЫК,
ЗА КОТОРЫМИ
ПРИСМАТРИВАЕТ
МЕХАНИК ГЕРКА

ВЕТРЯК ВЭСАКО
В КАПИТАНСКОЙ
ФУРАЖКЕ,
ЕДИНСТВЕННОЙ
НА СТАНЦИИ,
КОТОРУЮ
ОДАЛЖИВАЛИ ДРУГ
У ДРУГА В СЛУЧАЕ
НЕОБХОДИМОСТИ
СДЕЛАТЬ
РАСПОРЯЖЕНИЕ

ЗАВЕДУЮЩИЙ ФАКТОРИЕЙ ТОВ. КУЗЬМИН (СЛЕВА),
КОТОРОГО НЕНЦЫ НАЗЫВАЛИ ПЯ НГЭ — ДЕРЕВЯННАЯ НОГА,
ПРИЕХАЛ НА ПРИЕМ ОТ ОХОТНИКОВ БОЧЕК С ЖИРОМ.
ЕГО ВСТРЕЧАЮТ А. БАДУНОВ И Ю. ВАНШТЕЛЬ,
НАДЕВШИЙ ПО ЭТОМУ ПОВОДУ ФУРАЖКУ

ПОСЛЕДНЯЯ КОМАНДА
ПОЛЯРНОЙ СТАНЦИИ «ВАЙГАЧ»

**НЕНЕЦКИЕ СКАЗАНИЯ
О ШАМАНАХ
И ВОЛШЕБНОЙ СИЛЕ**

ШАМАН ТАБИ И НЮДИ, УВИДЕВШИЙ САЛЕХАРА³⁸

Старик-ненчи — Богатый Вэсако — был, и братья, его сыновья, — Большой и Малый. Еще Хаби был — очень сильный тадибе — шаман, тоже брат. Всего три чума — один старшего брата, а младшего и отца — в середине. У Вэсако оленей — десять тысяч. Стадо собрал для себя у Манду, для старшего сына — у Тунгуса, для младшего сына — у Тавы³⁹. Не то что за оленей, за собак не платил ничего, так взял.

Пришло время братьям жен брать. Говорит отец старшему сыну:

³⁸ Сказание, повествующее о первых встречах ненцев с русскими.

Не фигурирует в перечне сказаний Нелёко Вылко и не вошло в издававшееся ранее собрание «Духи тундры» (М., 2017), но вероятно, рассказано им.

Приводится в тетради М.С. Сеницына «Вайгачская № 3» (июль—август 1949) в виде записи карандашом с большими сокращениями на последних страницах (50а—56б).

Подписано как «Хэвынантэтта», то есть «Хэвынан, держащий оленья стадо».

Реконструкция и обработка текста — О. Диксон,
расшифровка записи — Ш. Ховенмей, 2020.

Рисунки к сказаниям сделаны Салиндер Пейду (8 лет), тазовские ненцы.

Из собрания М.С. Сеницына «Впервые с карандашом», 1944–1946.

³⁹ В сказаниях названия племен фигурируют как собственные имена героев:

Хаби — ханты, Манду — энцы, Тунгус — эвенки, Тавы — нганасаны.

— Чего лежишь? Там где-то семьсот чумов у Нгэвов⁴⁰ есть. Сколько сватов туда ходило, никто не вернулся. Много оленей надо, много лисьих и песцовых шкур. Не жалеё, из важенок⁴¹ ещё олени выйдут. Ехать надо.

Большой брат говорит:

— Я пойду, ждать не буду. Люблю дело это. К Нгэвам пойду. Брат захочет — догонит. Я много людей не возьму, оставлю.

Утром чай попил Большой брат, собирается.

Слышит отец — отъезжает.

Люди говорят ему:

— Пятьсот быков на аргиш⁴² выбрал.

Отец говорит Нюди, младшему сыну⁴³:

— Ты тоже иди. После не найдешь.

— Я пойду, выберу упряжку.

Вышел. Выбрал для упряжки быка: глаза красные, даже страшно. Его взял.

Пришел к отцу. Говорит:

— Я запряг, выбрал.

— Брат уже выехал, ты догоняй скорее. Спешу — осеннее время. Следы заметет.

Спешу.

Вышел Малый брат.

Смотрит, только следы от аргиша остались.

⁴⁰ Нгэва (*нен.*) — голова.

⁴¹ Важенка — самка северного оленя.

⁴² Аргиш — олений караван.

⁴³ Нюди (*нен.*) — младший.

Используется во многих сказаниях как собственное имя.

Женщина-тавы к нему подходит. Говорит:

— Возьми этот нож с медной ручкой⁴⁴. Кого убить не сможешь — он любого шамана возьмет. Спрячь, береги.

Взял, положил.

Хаби говорит:

— О, кто света не видал — вышел сегодня и едет сразу! Зайди ко мне, брат. Ты уезжаешь, а еще не был у меня.

Зашел. Велел Хаби вина принести. Надо выпить.

Выпили. Говорят меж собой:

— Старика не позвали.

— Ничего. Надо, сам выпьет.

Потом говорит Хаби:

— Брат старший очень сильный. Никто не возьмет его. Но он очень выпить любит. Ты смотри, чтоб он не пил и сам много не пей, а то убьют. Так-то его никто не возьмет.

Ночь прошла, день прошел:

— Еще останься. Доедешь, не занесет следы, а занесет — брат Хаби проводит.

Так неделю пили.

Хаби, брат-шаман, говорит:

— Ну, езжай, если пропадать будешь, не унывай. Мы сильные. Только если пропадать будешь, мне в уме скажи: «Хаби, брат, пропадаю я». Я все равно услышу и приду тогда. Но не кричи, а в уме скажи.

Вышли провожать.

Отец:

— А, лентяй, не уехал еще! Я думал — давно. Так будешь ехать — все пропадете, и ты, и брат.

⁴⁴ «Нож с медной ручкой» — волшебный предмет, часто фигурирующий в ненецких волшебных сказках.

ЗАГОН ДЛЯ ОЛЕНЕЙ.
РИСУНОК САЛИНДЕР ПЕЙДУ, 8 ЛЕТ.
ИЗ СОБРАНИЯ М.С. СИНИЦЫНА «ВПЕРВЫЕ С КАРАНДАШОМ».
ТАЗОВСКИЕ НЕНЦЫ, 1946

Поехал Нюди. Еле держался в нарте. Так рванули, ведь стояли столько.

Едет. Вечером на стоянку встал.

Утром хочет сняться со стоянки, смотрит, кругом люди — до ста человек, все на лыжах. Окружили. Взял он нож с медной ручкой, что ему женщина-тавы дала, махнул раз, другой — и перебил всех.

Едет дальше. Чум брата стоит. Слышит, старший брат поет в нем:

— Вот убил всю родню своей жены. Окружили меня. Думали отомстить за то, что сестру их даром взял. Я убил всех. Думали они, хорошо убить меня. Не вышло! Теперь не знаю, вернусь ли брата женить. Нас всех убьют, может. Вот, выпил на радостях после убийства.

Вошел Нюди в чум. Обрадовался Большой брат:

— Что, долго, наверно, у Хаби гостил?

Вместе выпили. Спать легли.

Утром рано будит:

— Вот, ехать надо. Поедем скоро. Распрягать упряжку по пути не будем. Если не сломаемся, то целые будем, сломаемся — не вернемся.

И так сколько-то ехали. Однажды последние нарты аргиша сломались.

Голову чесал Большой брат, говорит:

— Сломались — значит не вернемся. Верно, кто-то позади нас едет.

Починились, поехали. Так три раза эти нарты ломались. Говорит Большой брат:

— Плохо это. Если догонят — убьют, если вернемся — хуже будет. Тогда смехом убьют. Каждый ребенок смеяться будет. Это хуже.

— Нет, не догонят. Я их всех ножом с медной ручкой рубил.

— Хорошо. Я тебе тогда тоже помогу жену взять.

Ехали дальше. Всю зиму ехали. Вот и весна пришла. Семьсот чумов видно. Остановились. Свой чум думают ставить.

Большой брат:

— Вы здесь оставайтесь. Я пойду узнать, они ли. Если Нгавы, то поговорю с ними.
Поеду.

Так, не распрягая, поехал.
Они чум поставили. Варили. Спать легли.
Встали, поели — нет брата. Так три дня не было. Думают, стало чего, может, убили?²
На четвертый день утром собаки залаяли. Слышат песню Большого брата:
— Хорошие люди чего сделают? О, как! Очень хорошо гостил. Сам Хэвынан дочку без всего дает, младшую. Завтра и свадьба будет. Туда поедем.
Потом дальше поет:
— Да, действительно, Хэвынан-тэтта очень богатый. Семь сыновей у него больших ростом, как и он сам — сюдбе⁴⁵. Семь дочерей у него — шесть замужем. Зяття тут живут. Ростом большие, как они. Седьмую дочь мы возьмем. Так-то они люди очень большие, смотреть страшно. Воевать станут такие — живыми не быть.
Наутро поехали вдвоем — два брата — туда. Женщину Большого брата в чуме оставили.
Пришли. Кругом — семьсот чумов. Их встретили. Тут свадьба пошла, тут и выпивать начали.
Они пьют, женщины вино таскают. Семь дней пили. На следующий день Большой брат решил схитрить. Притворился, будто спит. И Малый брат тоже хитрит, как будто пьяный. Слышат, Хэвынан говорит своим:
— Их двое только. Я и зяття — на Большого, вы, сыновья, — на Малого. На Малого брата кинулись. Его так схватили, он и шевелиться не может.
Большой брат вскочил, всех сбросил:
— Вы думали, я спал?²
Он из чума, а Малый за ним, ползком. Может, нюк⁴⁶ пороли?²
Встретились у чума. Отбивались — направо, налево. На нарты вскочили.

⁴⁵ Сюдбе (нен.) — великан, богатырь.

⁴⁶ Нюк — крышка чума.

ЛЕТНЕЕ СТОЙБИЩЕ У ФАКТОРИИ ТОТТО-ЯХА.
РИСУНОК САЛИНДЕР ПЕЙДУ, 8 ЛЕТ.
ИЗ СОБРАНИЯ М.С. СИНИЦЫНА «ВПЕРВЫЕ С КАРАНДАШОМ».
ТАЗОВСКИЕ НЕНЦЫ, 1946

Большой брат говорит:

— Ну, Хэвынан, ты со мной играть хочешь? Тогда начнем! Как ты хочешь — стрелами?

— Всяко можно, — Хэвынан согласен. — У меня людей много.

Нарты подальше отодвинули. Стали навстречу друг другу стрелять. Большой брат как стрельнет — сколько людей там есть, все насквозь пробитые падают:

— Я так стрелять учился! Всех убью тихонько.

А Малый брат совсем плохо стреляет, все больше в сугроб.

Большой — Малому:

— Ты только глаза не закрывай!

Так до конца весны и стреляли. И как-то Нюди, младший брат, глаза закрыл. Открыл — никого нет. Не знает — помер ли, жив ли? И чумов нет — семьсот было. Еще весной играли, а тут — лето. И леса не было ранее, а сейчас лес кругом.

Пошел через лес. Видит, белеется что-то у озера, моря или реки. Туда идет. От этого белого дым, как пар, подымается. Не знает, от чума, что ли? Если чум, то дыма очень много будет.

Пришел. Людей видит. Чего-то они таскают — траву возят. Оленей каких-то держат невиданных.

Встретил человека. Тот говорит:

— Здравствуй!

Он:

— Не понимаю тебя, что говоришь.

Дальше пошел. Туда, где белое, большое, и дым пускает. Люди одеты не в малицы, а в тряпки какие-то, и шапки не пришиты⁴⁷. Встретил одного, в малице. Тот спрашивает:

— Откуда?

⁴⁷ На малице капюшон пришит.

— Да вот, иду. А что это — белое?

— Это — дом, хард русских луца⁴⁸. В Салехард⁴⁹ ты попал.

— Есть здесь начальник?

— Есть.

— Пойдем к нему.

Пришли. Дверь в белом доме открыли. Там спрашивает начальник: кто, откуда?

— Хэвынан? Да, слышал. Это грабитель. А отец у тебя есть?

Нюди плохо помнит, но имя отца вспомнил, назвал.

Тот сказал:

— Твоего отца знаю, слышал о нем. Он тоже грабитель.

— Дай поесть, выпить. К отцу попаду — отдам.

Держат его в доме, никуда не пускают. Русский богатырь с головой, как котел, охраняет. Ни разу Нюди не пил русской пищи — кипяченое мясо⁵⁰. Теперь пьет. Так жил. Зима стала — в окно увидел.

Как-то сказал ему начальник:

— Отец, может, сам за тобой придет?

Говорит Нюди:

— Он раз в десять лет, нечасто ходит.

Дальше живет. Как-то слышит, люди к дому подъехали. Говорят с начальником. Это Большой брат с отцом за Хэвынаном пришли. Он в Салехард убежал, теперь ищут.

— Где он?

⁴⁸ Луца — так ненцы называли русских.

⁴⁹ Салехард — от *нен.* «сале» — мыс и «хард» — селение. Обдорск переименован в Салехард в 1933 году, что позволяет отнести это сказание к 30-м годам XX века.

⁵⁰ Имеется в виду бульон.

— Раз сами много убили, грабили — вам самим здесь быть.

Луцци хотят их схватить. Богатырь Голова-Как-Котел — на них. Тут война началась.

Они воюют. У старшего брата одну ногу отрубили. Прыгает. Только руками отмахивается. И русские воюют. Кровь везде — убитые у домов лежат. Богатырь Голова-Как-Котел рубить отца хочет. Рубит.

Последние слова отца:

— Знал бы, сам раньше убил.

Нюди из дома выбежал. На него — Голова-Как-Котел. Тоже рубить хочет. Вспомнил тогда слова Хаби-шамана. В уме говорит: «Хаби, брат, пропадаю я». Глаза закрыл — конец сейчас будет. Открыл — никого нет. Море кругом. Он на льдине плавает по воде. Русский богатырь убитый лежит. Его голова, как котел, — рядом.

День плывут, второй плывут. Берега не видно. На третий день есть хочется. Нюди поискал в одежде у богатыря, может, съестное что есть. Нашел свой нож с медной ручкой. Им русский богатырь рубил, поэтому так легко отца одолел. А ведь его никто взять не мог, очень сильный был. Ножом этим отрезал кусок, ел. Три месяца ел. Все съел. Только остался он сам. Так жил. На четвертый месяц берег увидел. Три чума стоят. Домой вернулся.

НЮДИ И СЛОМАННАЯ СТРЕЛА⁵¹

Жил старик Вэсако, и было у него два сына — старший и младший. У старшего — жена от Манду, младший — один, с отцом живет.

Вот утром старик в чуме поет:

Милый мой сын,
Почему спишь?
Милый, вставай,
Глаз дня высоко⁵².
Милый, вставай,
Тебе говорю.
Когда был, как ты,
Много не спал.

⁵¹ Сказание о вражде племен.

Заглавная песня Вэсако записана Семеном Тайбареем на ненецком языке с подстрочным переводом, а рассказ — от Нямбо Вылко на русском языке.

Приводится впервые. Тетрадь М.С. Сеницына «Вайгачская № 2» (8 июля 1949, с. 196–20а, 65–69) и дополнительная вкладка из трех листов, вставленная, очевидно, позже. Подписано как «Мой отец — Вэсако». Обработка текста — О. Диксон, расшифровка записи — Ш. Ховенмей, 2020.

⁵² То есть солнце взошло высоко — «глаз дня наверх поднялся».

Милый мой сын,
Жену отнимал
От Манду, у дяди.
Манду мне под силу,
Твоя мать из Манду.
Мать твою я отнял,
От Манду отнял,
У дяди.

Потом старик говорит младшему сыну:

— Я от Манду-дяди двух женщин отнял: для себя и для старшего сына. Так два раза был возле Манду-реки⁵³.

Потом Манду на нас нападали, хотели обратно забрать, но я победил, с ними справился. Вот и ты, сынок, отними себе от Манду жену.

Сын говорит:

— Так не полагается. Если я отниму жену, как буду жить с ней? Этого надо бояться. Жизнь будет беспокойной. Не хочу так.

— Ой, как ты там говоришь — «надо бояться»? Нет, силой надо брать. Не мир⁵⁴, не платить — олени целы будут. Бесплатно возьмем. Если ты не хочешь, боишься, то я сам попробую еще раз. Поеду!

Выше пояс старик поддернул и пошел оленей собирать.

Уехал. Какое-то время не было⁵⁵.

⁵³ Одна из рек Полярного Урала.

⁵⁴ Плата за невесту.

⁵⁵ Далее повествование идет от лица Нюди, младшего сына.

Привез отец молодую девушку. Говорит:

— Вот, тебе жену привез. Уже три раза я у Манду, на Манду-реке был. Трех девушек от них взял силой — себе, старшему сыну и младшему сыну. Я старик удалой! Живи теперь с девкой!

Ну, пришлось жить.

Потом моей жены брат приехал, самый младший. Не доходя до чума, остановился. На снегу вокруг потоптался, в чум не зашел. Обратного уехал.

После этого у меня вдруг голова заболела. Очень болит, никак не поправляется, даже в глазах темнеет⁵⁶.

Жена говорит:

— Видел ли ты, Манду-младший приезжал? Он не к добру приезжал, к худому. Выходи, где он стоял, — посмотри, на земле что-то найдешь.

Я вышел. Посмотрел, где Манду стоял. Вижу, он в землю стрелу воткнул, а часть отломил, с собой увез. Видно, это он болезнь привез, да и здесь оставил.

Я пришел в чум, жене все рассказал. Она говорит:

— Теперь ты поезжай. Тоже в чум не заходи, стрелу воткни, сломай и назад возвращайся. Тогда там что-то будет.

Я так и сделал.

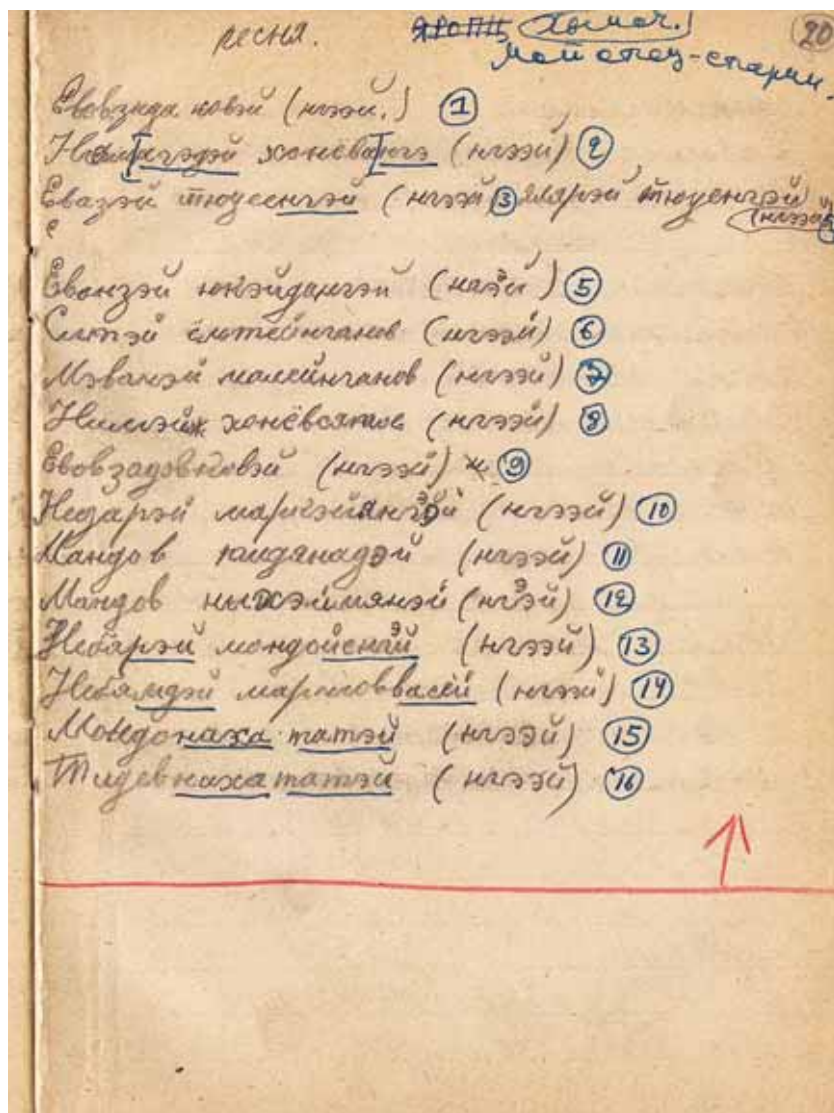
Через несколько времени два старших брата Манду пришли. Он-то, младший, не пришел, забоялся.

Один из них говорит:

— Наш младший Манду помирает. Приезжай, его полечи, ты сильный шаман. И давай больше вражду не вести.

Я поехал. Как стрелу-то вынул из земли — Манду поправился. С тех пор дружно стали жить.

⁵⁶ У ненцев существует поверье: если голова болит с левой стороны, то это к хорошему, а с правой — к дурному.

ЗАПИСЬ СЕМЕНА ТАЙБАРЕЯ «ПЕСНИ ВЭСАКО» НЯМБО ВЫЛКО
К РАССКАЗУ «НЮДИ И СЛОМАННАЯ СТРЕЛА».
М.С. СИНИЦЫН «ТЕТРАДЬ «ВАЙГАЧСКАЯ №2». ВАЙГАЧ, ИЮЛЬ 1949

Послесловие от Семена Тайбаря

Здесь — самая обыкновенная жизнь. Ничего тут не прибавлено.

Послесловие от Нямбо Вылко

Кто поет, верит, что так было, и меня уверяет. Оно, пожалуй, и верно.

Послесловие от Оларда Диксона

Как жили, о том и пели. Жалели друг друга, когда плач слышали.

Один споет, другой запомнит и дальше передаст.

Чтобы вражды больше не было, чтобы люди мирно жить стали.

О СОСТАВИТЕЛЕ

Олард Эльвиль Диксон — автор более 40 произведений, посвященных традиционной культуре и верованиям коренных народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока, Центральной Азии и Америки. Член Союза писателей России, Русского географического общества, Международной ассоциации дайверов IANTD, Организации тувинских шаманов Республики Тыва РФ «Дунгур» («Бубен»). Путешественник, руководитель многих этнографических экспедиций в труднодоступные места Земли. Специалист по символизму и картографии измененных состояний сознания. Преподаватель горлового пения, йоги сновидений и традиционных практик. Участник, лауреат и дипломант ряда международных этнографических фестивалей и художественных выставок, ТВ-проектов, документальных фильмов, научных конференций и конгрессов.

ВАЙГАЧ **ХЕБИДЯ-Я**

НАЛЕВО ОТ КРАЯ ЗЕМЛИ

Верстка: Марина Габасова

Корректурa: Александра Кириллова

Цветоделение: Владимир Семенов

www.treemedia.ru

**Электронную версию книги
можно приобрести на сайте litres.ru**